Анастасия Дес
Я ненавижу
Любить Тебя

Анастасия Дес

Я ненавижу любить тебя

https://litres.ru/73998121
SelfPub; 2026

Аннотация

После переезда в новый город Настя мечтала только об одном — пережить последний год школы и не исчезнуть под чужими взглядами, насмешками и жестокостью. Но все меняется в тот день, когда за нее вступается Рома Корсаков — парень с опасной репутацией, темным прошлым и глазами, в которых слишком много боли.

Содержание

Пролог. Девочка, которую никто не ждал 4
Глава 1. Парень с разбитыми костяшками 17
Глава 2. Тени прошлого 33
Глава 3. Первая любовь или первая ложь? 46
Глава 4. Нулевой день 60
Глава 5. Тот, кто остался 70
Глава 6. Дорога в никуда 86
Глава 7. Возвращение 92
Глава 8. Клетка из лжи 96
Глава 9. Ночь, которая все изменила 101
Конец ознакомительного фрагмента. 107

Анастасия Дес
Я ненавижу любить тебя

Пролог. Девочка, которую никто не ждал

С новой жизнью у меня не задалось с первой минуты.

Хотя отец называл это не новой жизнью, а шансом.

Шансом на что? На нервный тик? На одиночество? На элитную гимназию, где люди улыбаются так, будто у них вместо сердца карточка-пропуск?

Он, конечно, имел в виду другое.

Повышение. Руководящая должность. Крупная компания. Новый филиал. Новая квартира. Новый город. Новые перспективы.

Слово «новый» отец произносил с таким видом, будто оно автоматически означает «лучше». Серьезно, как будто если тебе вырвать сердце и пересадить в другую клетку, оно сразу начнет биться веселее.

Я сидела на заднем сиденье машины, вцепившись в ремень безопасности, и смотрела, как за окном исчезает мой родной город.

Фонари размазывались дождем по стеклу. Дома, останов-

ки, знакомые дворы, магазин у школы, где мы с Сашкой покупали чипсы после уроков, – все отъезжало назад. Будто это не мы уезжали, а меня просто медленно стирали из собственной жизни.

В наушниках играла грустная песня. Не потому, что я такая драматичная. Хотя ладно, немного такая. Просто музыка в ушах – это официальный способ сказать взрослым: «Не трогайте меня, я в домике».

– Насть, ты слышишь? – мама обернулась с переднего сиденья.

Я сняла один наушник.

– Что?

– Я говорю, ты увидишь, тебе понравится. Квартира хорошая, район спокойный, школа сильная.

Она улыбалась осторожно, как человек, который сам себе не очень верит, но все равно пытается.

У мамы были мои глаза. Или у меня ее. Большие, темные, слишком честные для людей, которые часто вынуждены делать вид, что все нормально.

– Угу, – сказала я.

Это мое «угу» означало примерно следующее: «Я ненавижу все, что происходит, но спорить с вами в машине бесполезно, потому что руль у папы».

Отец услышал даже через шум дождя.

– Не начинай, Настя.

Вот это любимая фраза взрослых. Они уже все решили,

собрали вещи, забрали тебя из школы, увезли от друзей и бабушки, но «не начинай» почему-то должна ты.

– А я и не начинала, – сказала я.

– Мы переезжаем ради будущего.

Я посмотрела на его затылок. Аккуратная стрижка. Дорогая куртка. Руки на руле. Все в нем в последнее время стало таким правильным, гладким, деловым. Даже голос.

Когда-то этот человек носил меня на плечах, покупал сахарную вату и умел смеяться так, что у меня внутри становилось тепло. Потом его будто поменяли. На мужчину, который путает заботу с контролем, а любовь – с тем, что вовремя оплачивает счета.

– Ради твоего будущего, – уточнила я.

– Ради нашего.

– Нет. Ради твоих денег.

В машине стало тихо.

Даже дождь будто притих, чтобы не мешать семейному скандалу.

Мама резко посмотрела на отца. Отец не повернулся, но я увидела, как дернулась скула. Попала. Прямо туда, где у него вместо сердца теперь хранился карьерный план.

– Ты еще поблагодаришь меня, – холодно сказал он.

– Сомневаюсь.

На этом разговор закончился.

Не потому, что мы поняли друг друга. Просто отец всегда считал молчание последним аргументом. Особенно если

молчал он.

Я снова вставила наушник и отвернулась к окну.

Позади остались Сашка, которая ревела на прощание так, будто меня увозят не за тысячу километров, а на другую планету. Бабушкина квартира с запахом пирожков, горячего утюга и старых книг. Моя комната, где на стене остались следы от плакатов. Школа, где я была не «новенькая», а Настя.

Просто Настя.

А впереди был город, который меня не звал.

Новый жилой комплекс выглядел как реклама дорогой ипотеки. Высокие стеклянные дома, ровные дорожки, охрана, камеры, детская площадка, на которой даже песок казался дисциплинированным.

– Видишь? – отец остановился у подъезда. – Здесь спокойно.

Мне захотелось спросить, для кого. Для людей или для их банковских счетов?

Но я промолчала.

Квартира оказалась большой, светлой и совершенно чужой. Панорамные окна, белые стены, новая мебель, кухня, где все блестело так, будто сюда собирались водить экскурсии.

– Настенька, посмотри, какой вид! – мама распахнула шторы.

Я посмотрела.

Двор. Машины. Одинаковые окна напротив. И тонкие де-

ревья, которые выглядели так, словно их тоже пересадили сюда против воли.

– Красиво, правда?

– Как в каталоге, – ответила я.

– Ну вот, видишь!

Она решила, что это комплимент. Пусть будет.

Я ушла в свою новую комнату. На полу стояли коробки с моими вещами. Мои книги, одежда, фотографии, блокноты – все, что еще вчера было частью дома, теперь выглядело как багаж выжившей.

Через несколько минут без стука вошел отец.

Разумеется, без стука. В его вселенной личные границы были чем-то вроде единорогов – красиво звучит, но никто не видел.

– Через два дня идешь в гимназию, – сообщил он. – Документы уже оформлены.

– Конечно.

– Что «конечно»?

– Конечно, ты уже все решил.

Он скрестил руки на груди.

– Настя, хватит вести себя как маленькая.

– Мне восемнадцать почти.

– Тогда веди себя соответственно.

Вот это было особенно смешно. Когда взрослым удобно, ты маленькая. Когда им нужно, чтобы ты не спорила, ты уже взрослая.

– А если я не хочу в эту гимназию?

– Захочешь.

– С чего бы?

– Потому что это сильная школа. Там высокий уровень подготовки, хорошие учителя, нужная среда.

– Нужная кому?

– Тебе.

– Или твоей должности?

Он посмотрел на меня так, будто я не дочь, а некорректная строчка в отчете.

– Ты сейчас злишься. Я понимаю.

– Нет, не понимаешь.

– Поймешь потом.

Отец вышел и закрыл дверь. Слишком спокойно. Это было хуже хлопка. Хлопок хотя бы честный.

В ту ночь я почти не спала.

Лежала в новой комнате и слушала чужие звуки. Гул лифта. Машины за окном. Чей-то смех во дворе. В старой квартире ночью скрипели половицы, кашляла соседка за стеной и пахло хлебом из пекарни напротив.

Здесь пахло ремонтом, дорогими средствами для уборки и пустотой.

Через два дня отец отвез меня в гимназию.

Она была огромной, современной и очень самоуверенной. Стекло, бетон, мраморный холл, электронное расписание, стенды с победителями олимпиад. На входе охрана. В кори-

дорах – ученики в идеально выглаженной форме и с лицами людей, которые уже знают цену себе, тебе и твоим кроссовкам.

Я в своей белой блузке и темной юбке чувствовала себя посылкой, которую доставили не по адресу.

Директор пролистал мои документы, задержался взглядом на фамилии отца и только после этого посмотрел на меня.

Интересно, он вообще запомнил мое имя или только понял, чей я багаж?

– У нас серьезные требования, – сказал он. – Одиннадцатый класс, выпускной год. Придется быстро включаться.

– Я постараюсь.

– Правильно. Твой отец просил уделить внимание адаптации.

Конечно. Даже мою адаптацию отец умудрился поставить на контроль.

Классная руководительница оказалась женщиной с быстрым шагом и дежурной улыбкой. Из тех учителей, которые умеют говорить бодро даже о катастрофе.

– Не волнуйся, ребята у нас хорошие, – сказала она, ведя меня по коридору.

Я кивнула.

Я уже поняла: если взрослый говорит «ребята хорошие», значит, дальше будет интересно.

Она открыла дверь в 11 «А».

Двадцать с лишним человек одновременно подняли головы.

И вот знаете это чувство, когда ты еще ничего не сделал, но тебя уже оценили, взвесили, внесли в таблицу и поставили предварительный диагноз?

Вот оно.

– Ребята, знакомьтесь, – сказала классная. – Это Настя. Она переехала к нам из другого города. Надеюсь, вы поможете ей освоиться.

Я вышла к доске.

– Привет, – сказала я.

Получилось слишком тихо. Ничего, зато не пискнула. Уже победа.

– И надолго к нам? – протянул женский голос с задней парты.

Я посмотрела туда.

Девушка с идеальной укладкой, дорогими серьгами и лицом человека, которому давно объяснили, что мир создан специально для нее. Рядом – две подружки. Одна светленькая, другая темная, обе с одинаковым выражением: «Мы здесь жюри».

– До конца года, – ответила я.

Девушка усмехнулась.

– Посмотрим.

Так я впервые увидела Алису.

И сразу поняла: если в этой школе есть королева, то коро-

на у нее, скорее всего, приклеена к голове намертво.

Меня посадили за первую парту к девочке в очках.

– Лена, – тихо представилась она.

– Настя.

Лена кивнула и уткнулась в тетрадь с таким видом, будто умела исчезать, не покидая места.

Дальше день пошел по плану: знакомство с учителями, косые взгляды, вопросы, шепот за спиной.

На русском я услышала:

– Новенькая вроде нормальная.

На математике решила задачу быстрее остальных и сразу получила:

– Выслуживается.

В столовой две девочки улыбнулись мне и даже спросили, откуда я. Через пять минут уже обсуждали за соседним столом, что «понаехавшие всегда странные».

Классика.

Люди вообще удивительные. Они могут ничего о тебе не знать, но уже решить, за что тебя не любить.

После уроков я должна была найти кабинет завуча. Классная сказала: второй этаж, налево, потом прямо. Я, конечно, свернула не туда. Потому что в новых школах коридоры всегда размножаются, как злые лабиринты.

Я дошла почти до гардероба, когда из-за угла вышла Алиса со своей свитой.

– О, новенькая, – сказала она. – Потерялась?

– Ищу кабинет завуча.

– Можем помочь.

Ее голос был сладким. Слишком сладким. Так пахнут не конфеты, а отрава с клубничным вкусом.

– Спасибо, я сама.

Я хотела обойти их, но одна из подружек шагнула в сторону, перекрыв проход.

– А ты спешишь? – спросила Алиса.

– Домой.

– Домой она спешит, – повторила темненькая, и все трое засмеялись.

Я почувствовала, как внутри стало холодно.

Не страшно еще. Просто организм заранее понял: неприятности уже пришли, осталось только узнать, в каком размере.

Алиса подошла ближе.

– Слушай внимательно, Настя. У нас в классе есть порядок. Понимаешь?

– Не очень.

– Тогда объясню. Новенькие сначала смотрят, потом говорят. Сначала понимают, кто здесь кто, потом открывают рот. А ты сегодня слишком уверенно себя держала.

– Я просто отвечала на уроках.

– Вот именно.

Она сказала это так, будто я призналась в преступлении.

– Я не собираюсь ни с кем воевать, – сказала я. – Мне

нужно просто доучиться год.

– Здесь никто не «просто» учится. Здесь люди занимают места. И чужие места трогать не надо.

– Я на твое место не претендую.

Алиса улыбнулась.

– Умная?

– Бывает.

Подружки переглянулись. Алиса вдруг подняла руку и легонько похлопала меня по щеке.

Не ударила. Именно похлопала. В этом было больше унижения, чем в пощечине.

– Будешь вести себя тихо – доживешь до выпускного без сюрпризов. Поняла?

Я очень хотела сказать что-нибудь красивое. Очень. Что-нибудь такое, чтобы она потом неделю вспоминала и злилась.

Но у меня не было ни армии за спиной, ни статуса, ни понимания, насколько далеко она готова зайти.

Поэтому я просто посмотрела ей в глаза.

– Я поняла, что ты любишь разговаривать в коридорах.

Улыбка у Алисы чуть дернулась.

– Не нарывайся.

– Я пытаюсь пройти.

Она еще секунду смотрела на меня, потом сделала шаг в сторону.

– И никому не жалуйся, новенькая. Умные девочки мол-

чат.

Я прошла мимо.

Спина горела так, будто в нее смотрели не глазами, а зажигалками.

Домой я шла пешком. Хотя могла дождаться отца. Хотя мама писала, что приедет за мной, если нужно. Но мне хотелось идти. Долго. До боли в ногах. До пустоты в голове.

Ветер бил в лицо. Небо было низким и серым. В новом городе все казалось чужим: остановки, люди, витрины, даже лужи.

Я достала телефон, открыла чат с Сашкой и написала: «Все нормально».

Потом стерла.

Написала: «Хочу домой».

Снова стерла.

В итоге отправила смайлик.

Потрясающая коммуникация, Настя. Психологи аплодируют стоя.

Дома мама встретила меня на кухне.

– Ну как? – спросила она и поставила передо мной чашку чая. – Первый день?

– Нормально.

Самое лживое слово в мире.

– Класс хороший?

– Обычный.

– Никто не обижал?

Я посмотрела на нее.

Мама устала. У нее под глазами были тени, но она улыбалась. Очень старалась быть счастливой в этой новой квартире. Ради отца. Ради меня. Ради того, чтобы не признать: нас просто взяли и переставили, как мебель.

– Нет, – сказала я. – Все нормально.

Ночью я плакала в подушку.

Тихо. Чтобы мама не услышала. Чтобы отец, если вдруг пройдет мимо двери, не получил еще одно доказательство моей «детскости».

Я тогда думала, что это худший день в новой жизни.

Как же наивно.

Худшие дни обычно не приходят сразу.

Сначала они присматриваются.

Глава 1. Парень с разбитыми костяшками

В новой школе я быстро освоила главное правило выживания: если не хочешь, чтобы тебя сожрали, притворись невкусной.

Я старалась.

Ходила вдоль стен. На переменах делала вид, что переписываюсь с кем-то очень важным. Садилась на уроках раньше всех, уходила сразу после звонка, в столовой брала чай и булочку, хотя от нервов не могла проглотить даже воздух.

В общем, я стала максимально незаметной.

Спойлер: не помогло.

Алиса не трогала меня открыто. Видимо, решила, что нападать в лоб слишком примитивно для особы ее уровня. Она действовала тоньше.

То задевала плечом в коридоре.

То «случайно» роняла на мои тетради сок.

То громко говорила, когда я проходила мимо:

– Некоторые вообще не понимают намеков.

Или:

– Люди без чувства территории такие смешные.

Меня это бесило. Но я молчала.

Не потому, что была слабой.

Просто одинокие люди не бросаются в войну без разведки. Особенно если у противника есть свита, репутация и, кажется, личная лицензия на мерзость.

Лена, моя соседка по парте, видела все. Иногда даже поднимала на меня глаза. В них было сочувствие. И страх. Потом она сразу опускала взгляд в тетрадь.

Я не злилась на нее.

Каждый выживает как может. Лена выживала молчанием. Я – сарказмом в голове и каменным лицом снаружи.

Единственным нормальным местом в гимназии оказался подоконник на третьем этаже в конце дальнего коридора. Туда почти никто не ходил. Только иногда пробегали опоздавшие младшеклассники или уборщица с видом человека, который давно знает все тайны школы и никому не собирается их рассказывать.

Я садилась на подоконник, подтягивала колени к груди и смотрела вниз, во двор.

Там было спокойнее.

Машины. Мокрый асфальт. Девчонки у входа. Парни, которые слишком громко смеялись, потому что иначе их, видимо, не существовало.

И он.

Я заметила его в четверг после четвертого урока.

Парень стоял у стены школы, чуть в стороне от всех, и курил. Черная толстовка, капюшон, темные волосы, руки в карманах. Вроде ничего особенного. Таких «мрачных оди-

ночек» полно в подростковых сериалах, обычно они еще играют на гитаре и ненавидят весь мир за компанию.

Но этот не выглядел как поза.

Он стоял так, будто весь мир действительно однажды попытался его ударить, а он с тех пор просто не расслаблял плечи.

Я смотрела на него слишком долго.

Конечно, он это почувствовал.

Поднял голову.

И посмотрел прямо на меня.

Между нами было три этажа, окно и мокрый апрельский воздух. Но у меня почему-то сбилось дыхание, как будто он оказался слишком близко.

Его взгляд не был наглым. Не был оценивающим. Не был таким, от которого хочется застегнуть куртку до подбородка.

Он просто смотрел.

И почему-то казалось, что видит.

Я дернулась и отвернулась первой. Великолепно. Просто взрослая уверенная девушка. Почти роковая. Если не считать того, что она прячется на подоконнике, потому что боится школьных королев.

На следующий день я все-таки спросила у Лены:

– Кто это?

– Кто?

Я кивнула вниз. Парень снова стоял во дворе, теперь уже без сигареты, рядом с двумя старшеклассниками. Те что-то

оживленно обсуждали, а он молчал.

Лена посмотрела и заметно напряглась.

– Корсаков.

– Это имя или диагноз?

Она даже не улыбнулась.

– Роман Корсаков. Из нашего класса.

– Он учится с нами? – удивилась я.

– Иногда.

– В смысле?

– В смысле, когда приходит.

Очень информативно. Спасибо, Лена, ты просто Википедия с очками.

– И что с ним не так?

Лена помолчала. Потом тихо сказала:

– Лучше держись от него подальше.

– Почему?

– Потому что рядом с ним всегда что-то ломается.

Я снова посмотрела вниз.

Роман Корсаков как раз поднял голову.

Нет, ну серьезно. У него что, радар на чужие взгляды?

Он поймал мой взгляд и чуть прищурился. Не улыбнулся. Не подмигнул. Просто смотрел, пока мне снова не стало слишком жарко для человека, который сидит у окна в школьной форме.

– Ясно, – сказала я и отвернулась.

Ничего мне не ясно.

После этого я стала замечать его чаще.

В коридоре. В столовой. На лестнице. У входа. Иногда он шел один, иногда с парнями, которые выглядели так, будто их лучше не просить уступить место в автобусе. При этом сам Рома почти не говорил. Он слушал, иногда коротко усмехался, но в общей школьной суете оставался отдельным.

Не частью толпы. Не лидером на показ. Не клоуном.

Просто опасным пятном в кадре.

И да, он был красивым. Ненавижу признавать очевидное, но был. Не миленьким, не сладким, не «ой, какие реснички». Красивым так, что рядом с ним хотелось либо сказать глупость, либо срочно вспомнить все жизненные принципы.

У меня с принципами стало туго.

Потом я выяснила еще одну важную деталь.

Рома жил в доме напротив.

Прямо напротив нашего подъезда. Я поняла это вечером, когда стояла у окна с кружкой чая и смотрела на одинаковые квадраты чужих жизней. В одном окне загорелся свет, и к стеклу подошел силуэт.

Широкие плечи. Темные волосы. Привычка стоять чуть боком, будто даже дома не поворачиваешься к миру спиной.

Он.

Я так резко отступила от окна, что чуть не пролила чай на себя.

Отлично, Настя. Теперь опасный парень не только в школе, но и в соседнем доме. Вселенная, ты слишком щедра.

Пятница началась плохо.

Сначала отец за завтраком заявил, что я «слишком мрачная».

Спасибо, очень полезное наблюдение. Сейчас внесу в дневник благодарности.

Потом мама спросила, не хочу ли я пригласить кого-нибудь из класса домой. Я чуть не подавилась чаем. Кого? Алису с подружками? Чтобы они оценили квартиру и выбрали место, где удобнее закопать мое самоуважение?

В школе было еще хуже.

Алиса весь день улыбалась.

Вот именно улыбалась. Не язвила, не задевала, не бросала фразы. Просто смотрела на меня и улыбалась так спокойно, что мне хотелось проверить, не написано ли у меня на спине что-нибудь вроде «жертва дня».

После шестого урока я задержалась в классе. Учительница попросила дописать конспект по истории, потому что я пропустила какую-то тему при переводе. Ничего страшного. Подумаешь, пустая школа, гулкие коридоры и неприятное ощущение, что все нормальные люди уже ушли.

Когда я вышла, этаж почти опустел.

Лампы гудели. За окнами темнело. Где-то хлопнула дверь.

Я ускорила шаг.

До лестницы оставалось совсем немного, когда из-за угла вышли Алиса, Даша, Карина и еще одна девочка из параллели.

Ну конечно.

Потому что ужастики никогда не начинаются с солнечного утра и булочки с корицей. Они начинаются с пустого коридора и девочек, которым скучно быть людьми.

– Новенькая, – протянула Алиса. – А мы тебя ищем.

– Зачем?

– Поговорить.

– Говорите здесь.

– Нет. – Она кивнула в сторону туалета. – Там удобнее.

Я сделала шаг назад.

– Я не пойду.

Даша схватила меня за руку.

– А кто тебя спрашивает?

Я дернулась, но Карина вцепилась во вторую руку. Их было четверо. Я могла кричать, конечно. Только школа после уроков была похожа на музей. Красиво, пусто и никто не поможет.

Они затащили меня в женский туалет.

Запах хлорки. Белая плитка. Зеркала. Раковины. Все слишком яркое, слишком холодное, слишком реальное.

Меня толкнули к стене.

– Что вам надо? – спросила я.

Голос дрогнул. Я ненавидела себя за это.

Алиса подошла ближе.

– Ты достала.

– Чем именно? Дышу без разрешения?

Плохая идея. Очень плохая.

Даша ударила меня по плечу.

– Не умничай.

– Ты правда решила, что можешь прийти сюда и вести себя как нормальная? – спросила Алиса. – Сидеть, отвечать, строить из себя бедную тихую девочку.

– Я ничего не строю.

– Вот именно. Ты слишком натурально бесишь.

Прекрасно. Теперь меня ненавидят за реализм.

– Мы знаем, что ты жаловалась, – сказала Карина.

– Кому?

– Не прикидывайся.

– Я никому не жаловалась.

– Врешь, – сказала Алиса.

Пощечина вышла неожиданной. Голова дернулась в сторону, во рту появился вкус крови.

Я замерла.

Вот теперь стало страшно.

Не так, как в коридоре. Не умное, осторожное «надо выбраться». А настоящее. Тупое. Горячее. Когда тело понимает раньше головы: тебя сейчас будут ломать.

– На колени, – сказала Алиса.

Я посмотрела на нее.

– Что?

– На колени, новенькая. И извинись.

– За что?

– За то, что не знаешь свое место.

Меня толкнули. Я ударилась бедром о раковину, попыталась удержаться, но Даша дернула за волосы. Боль вспыхнула такая резкая, что из глаз брызнули слезы.

– Не трогай меня!

– А то что? – Алиса наклонилась, подняла с пола грязную тряпку и улыбнулась. – Будешь орать?

Я смотрела на тряпку.

На ее дорогие ногти.

На свое отражение в зеркале: бледная, с разбитой губой, глаза огромные.

– Лижи, – сказала Алиса.

Меня будто облили ледяной водой.

– Нет.

– Что?

– Нет.

Мне было страшно. До дрожи. До тошноты. До ватных ног.

Но это «нет» почему-то осталось твердым.

Дальше все стало быстрым и мерзким.

Пальцы в волосах. Удар в живот. Холодная плитка под ладонями. Смех. Чужие голоса. Команды. Мое собственное дыхание, рваное и громкое.

– Лижи, и все закончится!

– Пошла ты, – выдохнула я.

И получила еще один удар.

Мир вспыхнул белым.

А потом дверь распахнулась.

– Отпустили ее.

Тихо.

Не крик. Не истерика. Не геройский вопль с музыкой на фоне.

Просто два слова.

Но в туалете стало так холодно, будто кто-то открыл окно в январь.

Девочки замерли.

Я подняла голову.

В дверях стоял Рома Корсаков.

Черная толстовка. Темные волосы. Каменное лицо. И взгляд, от которого даже Алиса перестала изображать королеву.

– Корсаков, – сказала она и попыталась улыбнуться. Получилось плохо. – Это не твое дело.

– Я сказал. Отпустили.

Даша убрала руки первой. Потом Карина. Я пошатнулась и вцепилась в край раковины, чтобы не упасть.

Рома подошел ко мне и протянул руку.

– Вставай.

– Я сама, – сказала я автоматически.

– Настя.

Он произнес мое имя так, будто мы знакомы сто лет. Спокойно. Низко. Без просьбы.

Я вложила пальцы в его ладонь.

И только тогда поняла, как сильно меня трясет.

Он поднял меня осторожно. Не дернул, не потащил, не сжал слишком крепко. Просто помог встать, будто я не мешок после драки, а человек.

Это почему-то едва не добило.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Да.

Он посмотрел на мою губу.

– Врешь.

– Немного.

Рома перевел взгляд на Алису.

– Я, кажется, уже говорил тебе держаться от нее подальше.

Уже?

Я резко посмотрела на него, но он не сводил глаз с Алисы.

– Мы просто разговаривали, – сказала она.

– Тогда разговаривайте в другом месте. И не с ней.

– Ты за нее теперь отвечаешь?

Он сделал шаг к ней.

Маленький шаг.

Но Алиса отступила.

– Еще раз подойдешь к ней, – сказал Рома, – я забуду, что ты девочка.

– Ты мне угрожаешь?

– Предупреждаю.

Тишина стала почти осязаемой. Даша опустила глаза. Ка-

рина вообще смотрела в стену, будто внезапно заинтересовалась качеством плитки.

Алиса побледнела.

Вот так быстро королевы превращаются в обычных людей, когда перед ними появляется кто-то страшнее их.

– Пошли, – сказала она своим и вышла первой.

Остальные почти выбежали за ней.

Когда дверь закрылась, у меня подогнулись колени. Я бы точно села на пол, если бы Рома не подхватил меня за локоть.

– Эй. Смотри на меня.

Я посмотрела.

Близко он был еще опаснее. И красивее. Несправедливо красивее, учитывая обстоятельства. У него были темные глаза, резкие скулы и разбитые костяшки на правой руке, будто он не сегодня-завтра уже с кем-то поговорил кулаками.

– Дыши, – сказал он.

– Я дышу.

– Плохо.

– Извини, не тренировалась.

Он вдруг усмехнулся. Едва заметно.

– Живая.

– Пока да.

– Пойдем.

– Куда?

– Отсюда.

Он вывел меня через черный ход. Не через главный кори-

дор, не мимо охраны, не под любопытные взгляды тех, кто потом будет шептаться. Через служебную лестницу и дверь за спортзалом.

На улице было холодно. Я вдохнула влажный воздух и чуть не разревелась от облегчения.

Рома усадил меня на скамейку за спортплощадкой.

– Сиди.

– Приказываешь?

– Забочусь.

Он ушел и вернулся через пару минут с аптечкой.

– Ты что, ограбил медкабинет?

– Взял в долг.

– С разрешения?

– Настя.

– Поняла. Не спрашивать.

Он сел рядом и достал перекись. Когда коснулся ватой моей губы, я дернулась.

– Жжет?

– Нет.

– Врешь.

– Да что ты пристал к моей честности?

– Она страдает.

У меня неожиданно вырвался смешок. Нервный. Дурацкий. Почти истеричный.

Рома посмотрел на меня. Не жалостливо. Не как на сломанную. Просто внимательно.

– Почему ты помог? – спросила я.

Он закрутил крышку перекиси.

– Не люблю, когда стая рвет одного.

– Благородно.

– Не особо.

– Ты сказал, что уже говорил Алисе держаться от меня подальше.

Он помолчал.

– Говорил.

– Из-за меня?

– Да.

Сердце сделало странный кульбит.

Очень не вовремя, сердце. Человек только что вытащил нас из школьного туалета, не надо устраивать романтический флешмоб.

– Почему? – спросила я.

Рома посмотрел на мои пальцы. Я все еще вцеплялась в край скамейки.

– Потому что ты и так держишься из последних сил. А они любят добивать.

Я сглотнула.

– Я не слабая.

– Знаю.

Он сказал это так спокойно, что я почему-то поверила.

– Слабые не говорят «нет», когда их бьют, – добавил он.

Вот тут меня накрыло.

Не слезами. Нет. Я сдержалась.

Но внутри что-то дрогнуло так сильно, будто он случайно попал рукой прямо в то место, которое я сама боялась трогать.

Когда он закончил, мы пошли к дому. Вместе.

Я не просила его проводить. Он не спрашивал, можно ли. Просто шел рядом. Высокий, молчаливый, с руками в карманах. Ветер трепал его волосы, фонари отражались в лужах, а я думала, что это очень странно.

Самый опасный парень в школе сейчас казался мне самым безопасным человеком в городе.

У подъезда Рома остановился.

– Если они подойдут еще раз, скажешь мне.

– Хорошо.

– Я серьезно.

– Я тоже.

Он смотрел на меня чуть дольше, чем нужно. Я тоже, кажется, не торопилась отворачиваться.

– И обработай губу еще раз вечером, – сказал он.

– Есть, доктор Корсаков.

– Не язви, пациентка Туманова.

Я впервые за весь день улыбнулась.

Рома заметил. Уголок его губ дернулся, будто он хотел улыбнуться в ответ, но передумал. Потом он развернулся и пошел к дому напротив.

Я смотрела ему вслед, пока он не скрылся за дверью подъ-

езда.

И поняла две вещи.

Первая: Алиса меня теперь, скорее всего, возненавидит еще сильнее.

Вторая: мне почему-то стало все равно.

Глава 2. Тени прошлого

После того вечера в туалете школа изменилась.

Не стала лучше. Не надо фантастики.

Просто вокруг меня будто появился невидимый знак: «Осторожно, возможно, охраняется Корсаковым».

Алиса перестала цеплять меня открыто. Ее подружки при виде меня делали лица, будто я внезапно стала неприятным воспоминанием. Кристина и Соня, которые до этого общались со мной в режиме «мы вроде милые, но на всякий случай не слишком», теперь здоровались.

Даже учителя начали замечать меня внимательнее.

Так себе суперспособность, если честно. Но лучше, чем быть школьной грушей для битья.

Рома в первый день после случившегося не подошел.

Я видела его на большой перемене. Он стоял у окна на втором этаже, разговаривал с Ильей, кажется. Точнее, Илья говорил, а Рома слушал с таким видом, будто внутренне уже ушел из этого разговора километров на пять.

Потом он посмотрел на меня.

Просто посмотрел.

А у меня почему-то внутри все стало не на месте.

Я отвернулась первой. Опять.

Надо было завести список личных достижений: «День третий. Настя Туманова снова проиграла в гляделки парню,

который даже не пытался играть».

После уроков я вышла из школы и увидела его у ворот.

Рома стоял, засунув руки в карманы, и делал вид, что просто оказался там случайно. Очень убедительно. Прямо случайней некуда.

– Привет, – сказала я.

– Привет.

– Ты здесь стоишь или меня ждешь?

– А как тебе удобнее?

– Мне удобнее знать правду.

– Тогда жду.

Вот так просто.

Без игры. Без «ну, может быть». Без дурацкой ухмылки. Сказал – и все.

Я даже растерялась.

– Зачем?

– Провожу.

– Я сама могу дойти.

– Можешь.

– Но ты все равно проводишь?

– Да.

Мы пошли рядом.

Сначала было неловко. Не так, как в кино, где герои молчат красиво, а вокруг играет музыка. Нет. Я слышала только свои шаги, его шаги и собственные мысли, которые бегали кругами: «Что сказать? Не молчи. Нет, молчи. Нет, скажи

что-нибудь нормальное. Только не тупость».

В итоге я сказала:

– У тебя костяшки разбиты.

Гениально.

Рома посмотрел на свою руку.

– Бывает.

– Ты дрался?

– Бывает.

– У тебя богатый словарный запас.

Он покосился на меня.

– Бывает.

Я фыркнула.

И почему-то после этого стало легче.

Мы начали видеться почти каждый день. Сначала действительно случайно. Потом «случайно». Потом уже никто не притворялся.

Рома ждал меня у школы, и мы шли пешком. Иногда к моему дому. Иногда делали крюк через набережную. Иногда заходили за кофе в автомате, который выдавал напиток, по вкусу похожий на теплое разочарование.

Он пил черный кофе без сахара.

Разумеется. Опасные парни, наверное, рождаются уже с такой настройкой.

– Как ты это пьешь? – спросила я однажды.

– Ртом.

– Очень смешно.

– Я старался.

Я купила себе капучино с сиропом, сделала глоток и поморщилась.

– Фу. Кажется, этот автомат ненавидит людей.

– Дай.

Я протянула стакан. Рома попробовал.

– Нормально.

– У тебя рецепторы мертвые.

– Скорее закаленные.

С ним было странно спокойно.

Не легко. Нет. Легкость – это когда человек улыбается, болтает обо всем подряд, и тебе не приходится думать, что там за стеной у него внутри.

С Ромой было иначе.

Он не заполнял тишину. Не лез с вопросами. Не просил рассказать про отца, переезд, старую школу, Сашку, бабушку, мою комнату, в которой я больше не просыпалась. Он просто шел рядом.

И от этого почему-то хотелось говорить.

– Я раньше думала, что переехать – это как начать новую страницу, – сказала я однажды, когда мы сидели на лавке у реки. – А оказалось, как будто тебе вырвали половину книги и сказали писать дальше.

Рома бросил маленький камешек в воду.

– Твой отец решил?

– Все решил отец.

– Часто так делает?

– Всегда.

– Мой тоже решал, – сказал он. – Пока мог.

Я повернулась к нему.

– А сейчас?

– Сейчас он сидит.

Сказал спокойно. Слишком спокойно для такой фразы.

Я не знала, что ответить. «Прости» звучало глупо. «За что?» – еще глупее.

Поэтому я молчала.

Рома оценил.

– Не спросишь?

– Хочешь – сам скажешь.

Он посмотрел на меня. Долго. Внимательно.

– Ты странная, Туманова.

– Спасибо.

– Это не комплимент.

– Я сама решу.

Он усмехнулся.

И мне стало приятно.

Ненормально приятно. Так приятно, будто мне подарили не улыбку, а редкое доказательство, что Рома Корсаков вообще умеет быть живым, а не только мрачным.

Про него ходили слухи.

Конечно, ходили. В школе вообще слухи размножаются быстрее бактерий в школьной столовой.

Говорили, что он дерется. Что его боятся даже старшие. Что отец у него убийца. Что мать пьет. Что Рома связан с какими-то мутными людьми. Что однажды он разбил парню лицо так, что тот неделю не выходил из дома.

Когда я спросила Лену, правда ли это, она посмотрела на меня так, будто я решила потрогать оголенный провод.

– Настя, – сказала она тихо. – Рома не плохой. Но рядом с ним опасно.

– Это разные вещи?

– Иногда да. Иногда нет.

Это было, пожалуй, самое глубокое, что Лена произнесла за все время нашего знакомства. Я даже зауважала ее молчание: видимо, оно копило хорошие фразы.

Я начала замечать в Роме детали.

Он не любил, когда кто-то подходил со спины. Всегда чуть поворачивал голову, даже если человек проходил далеко.

Он почти никогда не говорил о доме.

На руке у него часто были свежие ссадины. Когда я спрашивала, он отвечал «работа». На какую такую работу ходит одиннадцатиклассник после уроков и почему эта работа кусается, он не уточнял.

В музыкальном магазине на старой улице он долго смотрел на гитары.

Мы зашли туда случайно. На улице начался дождь, а вывеска светилась теплым желтым светом, и мне захотелось внутрь. В магазине пахло деревом, пылью и чем-то волшеб-

ным. На стенах висели гитары, в углу стояло пианино, за стойкой скучал парень с тоннелями в ушах.

Рома остановился у старой акустической гитары.

Не трогал. Просто смотрел.

– Ты играешь? – спросила я.

– Играл.

– Почему бросил?

Он пожал плечом.

– Стало не до красивых звуков.

Я запомнила эту фразу.

Потому что Рома редко говорил красиво. И если говорил, то явно случайно, как будто у него внутри все-таки был спрятан человек, который когда-то верил не только в удары.

Через пару дней он позвал меня к себе.

Не романтично. Не «хочешь зайти?». Не с загадочным взглядом.

Просто написал: «Будешь рядом – зайди».

Я стояла у окна и смотрела на дом напротив минут пять.

Очень взрослая, разумная Настя внутри меня говорила: «Не ходи. Ты знаешь его слишком мало. Про него ходят слухи. Ты уже попала в неприятности, может, хватит?»

Другая Настя, видимо, та, у которой инстинкт самосохранения ушел в отпуск, уже натягивала кроссовки.

Я пошла.

В подъезде Ромы пахло сыростью и табаком. Квартира была на пятом этаже. Дверь он открыл сразу, как будто стоял

рядом и ждал.

– Привет.

– Привет.

– Заходи.

Квартира оказалась маленькой. Не бедной даже. Усталой. Есть такие дома, где мебель вроде стоит, обои вроде на месте, но все равно чувствуешь: здесь давно никто не расслаблялся.

Пахло крепким чаем, дешевым стиральным порошком и чем-то горьким.

– Мама дома? – спросила я.

– Нет.

Больше он ничего не объяснил.

Я не стала уточнять.

Его комната была почти пустой. Кровать, стол, стул, полка с несколькими книгами, гитара в углу. На подоконнике – пепельница, хотя сам он при мне почти не курил. Наверное, специально. Почему-то от этой мысли стало тепло.

– Садись, – сказал он.

Я села на край кровати. Рома налил чай в кружку с отколотой ручкой и протянул мне.

– Спасибо.

Он сел напротив, на стул. Между нами было расстояние в метр, но казалось, что воздуха в комнате стало слишком мало.

– Сыграешь? – спросила я, кивнув на гитару.

– Нет.

– Почему?

– Не хочу позориться.

– Поздно, ты уже пригласил меня в гости. Самый страшный этап пройден.

Он посмотрел на меня с таким выражением, будто не решил, раздражаю я его или забавляю.

Потом все-таки взял гитару.

Сначала Рома перебирал струны неуверенно, будто вспоминал не мелодию, а себя прежнего. Потом звук стал ровнее.

Мелодия была простая. Грустная. Без выпендрежа. Не из тех, что играют, чтобы впечатлить девочку.

Из тех, что играют, когда словами не получается.

Я слушала и боялась пошевелиться.

Когда он закончил, в комнате повисла тишина.

– Ты талантливый, – сказала я.

Рома поморщился.

– Не надо.

– Что не надо?

– Смотреть на меня так, будто я хороший.

– А если ты хороший?

Он усмехнулся. Без веселья.

– Ты меня не знаешь.

– Так расскажи.

Вот тут он должен был отшутиться. Или сказать: «Нечего рассказывать». Или выгнать меня, потому что Рома Корсаков не из тех, кто раскрывает душу девочкам с кружкой чая.

Но он молчал.

Долго.

Потом поставил гитару к стене и сказал:

– Отец сидит за убийство.

Я замерла.

Рома смотрел не на меня, а на пол.

– Мать после этого сломалась. Пить начала. Сначала немного, потом не немного. Я какое-то время думал, что смогу все вытянуть. Учебу, дом, ее, себя. Потом понял, что люди не рюкзаки. На спину не закинешь и не вынесешь.

Он говорил ровно. Почти скупо.

И от этого было больнее.

– Я дрался. Много. С кем надо и с кем не надо. Работал где брали. Врал, что старше. Иногда получалось. Иногда нет. В общем, ничего интересного.

Ничего интересного.

Конечно.

Просто детство, которое кто-то пережевал и выплюнул. Просто мать, которую он пытался спасти. Просто отец в тюрьме. Просто парень, который научился быть опасным, потому что иначе его бы съели.

– А ты чего хочешь? – спросила я.

Рома поднял взгляд.

– В смысле?

– Для себя.

Он молчал так долго, что я уже решила, что спросила

лишнее. Потом сказал:

– Проснуться однажды и не ждать удара.

У меня что-то сжалось под ребрами.

Не красиво. Не романтично. Просто больно.

– Это много, – сказала я.

– Поэтому не планирую.

– Врешь.

Он прищурился.

– Опять?

– Да. Ты планируешь. Просто боишься признаться, что тоже хочешь нормальной жизни.

– Нормальной?

– Да. Без драк. Без долгов чужого прошлого. Без ощущения, что весь мир против тебя.

– Ты оптимистка.

– Нет. Я новенькая в элитной гимназии, которую ненавидит Алиса. Оптимизм умер на входе.

Он вдруг тихо рассмеялся.

Не усмехнулся. Не фыркнул.

Рассмеялся.

Я даже растерялась. Улыбка у него была редкая и какая-то неправильная для его лица. Будто туда случайно включили свет.

Рома протянул руку.

Я посмотрела на его пальцы. На разбитые костяшки. На короткие царапины. На то, как осторожно он ждет, не при-

ближаясь первым слишком сильно.

Я вложила свою ладонь в его.

Его пальцы были холодными.

Сжатие – осторожным.

– Ты опасно на меня смотришь, Настя, – сказал он хрипло.

– Как?

– Как будто я еще не совсем потерян.

Я не стала улыбаться.

Почему-то это было бы неправильно.

– А ты и не потерян.

Он отвел взгляд, но руку не отпустил.

– Не обещай того, чего не сможешь выдержать.

– Я ничего не обещаю.

– Тогда что ты делаешь?

Я посмотрела на наши сцепленные пальцы.

– Остаюсь.

В комнате стало совсем тихо.

За стеной кто-то включил телевизор. Во дворе сигнализация коротко пискнула и замолчала. Чай давно остыл.

А мы сидели и держались за руки, будто это не жест, а договор. Не о вечности. Не о любви. Не о спасении.

Просто о том, что в эту минуту никто никуда не уходит.

Когда стемнело, Рома проводил меня до двери.

– Настя.

– Что?

Он смотрел на меня так, будто хотел сказать что-то важ-

ное, но не знал, в какой форме это выдают нормальным людям.

В итоге сказал:

– Не подходи слишком близко, если не готова увидеть некрасивое.

Я пожала плечами.

– Поздно.

– Что поздно?

– Я уже увидела. И все равно пришла.

Он замер.

Потом у него на лице появилось то самое короткое выражение. Не улыбка даже. Так, трещина в броне.

Я вышла из подъезда и пошла через двор к своему дому. В окнах уже горел свет. Где-то лаяла собака. Небо было темным, мокрым, весенним.

Я понимала, что влюбляюсь.

Не так, как представляла раньше. Без розовых фильтров, бабочек и песен из сериалов.

Я влюблялась в парня, от которого все советовали держаться подальше.

В парня с разбитыми костяшками, грустной гитарой и мечтой проснуться без страха.

И самое ужасное – мне совсем не хотелось спасаться.

Глава 3. Первая любовь или первая ложь?

После вечера у Ромы все стало странным.

Не плохим. Не хорошим.

Опасным.

Раньше между нами было расстояние. Школьные коридоры. Двор. Окна напротив. Слухи. Его мрачный вид и моя привычка не лезть туда, где можно получить по голове.

А теперь между нами была его комната. Гитара. Холодные пальцы. Фраза про то, что он хочет проснуться и не ждать удара.

И моя ладонь в его ладони.

Попробуй после такого вести себя нормально.

Я пыталась.

Правда.

На уроках смотрела в тетрадь. На переменах делала вид, что занята телефоном. В столовой слушала, как Кристина с Соней обсуждают выпускные платья, хотя до выпускного было еще жить и жить.

Но стоило Роме появиться в коридоре, и мой мозг превращался в бесполезную кашу.

Он не делал ничего особенного. Просто шел. Черная толстовка, темные волосы, руки в карманах, взгляд чуть испод-

лобья. И все. Половина девочек оглядывалась. Вторая половина делала вид, что не оглядывается.

А я смотрела в тетрадь так старательно, будто там скрывался смысл жизни.

– Ты опять краснеешь, – тихо сказала Лена на математике.

– Не краснею.

– Угу.

– У меня просто душно.

– Окно открыто.

– Значит, сквозняк горячий.

Лена посмотрела на меня поверх очков.

Иногда молчаливые люди умеют издеваться без слов.

После школы Рома ждал меня у ворот.

Каждый день.

Не с цветами. Не с милыми сообщениями. Не с романтическими «я соскучился». Он просто стоял, как будто так и надо. Как будто провожать меня стало частью его расписания: школа, драки с внутренними демонами, Настя до дома.

– Привет, – сказала я.

– Привет.

– Ты снова случайно тут стоишь?

– Ага. Уже пятый раз подряд.

– Удивительное совпадение.

– Судьба.

Я фыркнула, а он едва заметно усмехнулся.

И мы пошли.

Иногда к реке. Иногда через дворы. Иногда просто кругами вокруг нашего жилого комплекса, потому что расходиться не хотелось, а признаваться в этом было слишком неловко.

С ним молчание не давило.

Это было странно. Обычно если человек молчит, ты начинаешь лихорадочно искать тему. Погода, школа, домашка, тупые мемы, конец света – что угодно, лишь бы не неловкость.

С Ромой можно было идти рядом и ничего не говорить.

И мне нравилось.

Даже слишком.

– Ты сегодня весь день на меня не смотрела, – сказал он однажды.

Мы сидели в парке на облезлой лавочке. Вокруг пахло мокрой землей и весной, которая вроде бы уже пришла, но пока передумала быть теплой.

– Смотрела.

– Нет.

– Ты следил?

– Да.

Я повернулась к нему.

– Вот так просто признаешься?

– А смысл врать?

Это было в нем самым опасным.

Не сила. Не слухи. Не разбитые костяшки.

Честность.

Когда Рома решал говорить правду, он говорил ее так прямо, что хотелось либо спрятаться, либо подойти ближе.

Я выбрала опасный вариант.

– Я смотрела, – призналась я. – Просто старалась, чтобы ты не заметил.

– Плохо старалась.

– Спасибо за поддержку.

Он посмотрел на меня. Долго. Слишком внимательно. У меня внутри все натянулось, как струна.

– Настя.

– Что?

– Ты понимаешь, что делаешь?

– Сижу на лавочке?

– Не язви.

– Тогда нет. Не понимаю.

Он отвел взгляд, сжал пальцы в замок.

– Я не тот парень, с которым бывает спокойно.

– А кто сказал, что я ищу спокойного?

– Умные люди ищут.

– Значит, у меня проблемы с умом.

– Настя.

Он произнес мое имя так, что я замолчала.

Рома повернулся ко мне. В его глазах не было привычной насмешки. Только напряжение. Сдержанное, темное, почти злое. Не на меня. На себя.

– Ты не знаешь, во что лезешь.

– Так объясни.

– Не все можно объяснить.

– Удобно.

– Это не игра.

– А я и не играю.

Он выдохнул, будто я делала все не по инструкции и этим его окончательно бесила.

– Со мной будет больно, – сказал он.

Красиво, конечно. Прямо надпись на плакате плохого парня.

Но мне почему-то не было смешно.

– Мне и без тебя больно, – ответила я. – Просто с тобой я хотя бы не притворяюсь, что все нормально.

Он замер.

Вот после этой фразы все и случилось.

Рома наклонился не резко. Не так, будто собирался взять то, что ему принадлежит. Скорее наоборот – будто давал мне секунду передумать.

Я не передумала.

Его ладонь коснулась моей щеки. Осторожно. Тепло. Большой палец едва задел скулу.

А потом он меня поцеловал.

Первый поцелуй с Ромой Корсаковым оказался совсем не таким, как я представляла первые поцелуи.

Никакой музыки. Никакого заката в нужном месте. Ника-

кой идеальной картинки, которую можно потом пересматривать в голове с розовыми фильтрами.

Только холодный воздух, его губы, моя дрожь и ощущение, что мир наконец перестал быть чужим.

Он целовал осторожно. Слишком осторожно для парня, которого боялась половина школы.

Будто я могла исчезнуть.

Или разбиться.

Когда Рома отстранился, я открыла глаза не сразу. Просто боялась, что если открою, все закончится.

– Прости, – хрипло сказал он.

Вот это было неожиданно.

– За что?

– За то, что хотел это сделать слишком давно.

Сердце ударилось куда-то в горло.

– Тогда не извиняйся, – прошептала я.

Второй поцелуй был уже другим.

Не вопросом.

Ответом.

После этого все в школе изменилось окончательно.

Нет, мы не объявляли себя парой. Не устраивали официальную пресс-конференцию для 11 «А». Не писали статус в соцсетях. Просто Рома стал чаще брать меня за руку. Провожал. Иногда касался моей спины, когда мы проходили через толпу.

И этого хватило.

К концу недели я стала «девочкой Корсакова».

Звучало так, будто меня внесли в школьный кадастр.

Меня это раздражало.

И, если совсем честно, немного радовало.

Потому что после туалета, Алисы и вечной чужой оценки мне впервые казалось, что рядом есть человек, который встанет передо мной, если мир снова решит напасть.

Плохая мысль. Неправильная.

Но приятная.

Счастье длилось недолго.

Разумеется.

Я уже начинала понимать: если в моей жизни появляется хорошее, где-то обязательно стоит неприятность и выбирает момент для эффектного входа.

Дениса Лаврова я увидела у подъезда Ромы.

Высокий. Светловолосый. Красивый так, как бывают красивы люди, которые слишком рано поняли, что внешность можно использовать как оружие. Дорогое пальто, уверенная улыбка, взгляд, от которого хотелось сделать шаг назад.

Они с Ромой спорили.

Нет, не спорили.

Между ними воздух искрил так, будто еще секунда – и начнется пожар.

– Рома? – позвала я.

Он резко обернулся.

И я увидела страх.

Не за себя. За меня.

– Уходи, Настя.

Обожаю, когда мне указывают. Особенно мужчины с разбитыми костяшками.

– Что происходит?

Светловолосый парень посмотрел на меня и улыбнулся.

– А это и есть твоя новая хорошая девочка?

Мне сразу не понравилось, как он сказал «хорошая».

Будто это не слово, а пятно, которое ему хочется испачкать.

– Закрой рот, Денис, – тихо сказал Рома.

– А то что? Опять будешь героем? – Денис сделал шаг ближе. – Или расскажешь ей, кто ты такой на самом деле?

Рома ударил первым.

Все произошло слишком быстро.

Толчок. Удар. Кровь на губе у Ромы. Мой крик, который вышел каким-то глупым и тонким. Денис тоже ударил, но Рома был быстрее, злее, страшнее. В нем будто щелкнул переключатель.

– Хватит! – Я вцепилась Роме в рукав. – Рома, хватит!

Он замер не сразу.

Сначала посмотрел на Дениса так, будто еще решал, оставить его целым или нет. Потом перевел взгляд на меня.

И вернулся.

Не полностью. Но настолько, чтобы отступить.

Денис сплюнул кровь и улыбнулся.

– Ты еще пожалеешь, Корсаков. И девочка твоя тоже.

Он ушел, а я осталась стоять с ватными ногами.

– Кто это? – спросила я.

Рома вытер кровь тыльной стороной ладони.

– Никто.

– Не начинай.

– Денис Лавров, – сказал он после паузы. – Мы раньше пересекались.

– Пересекались – это когда в магазине за хлебом столкнулись. А у вас выглядело так, будто вы в прошлой жизни делили труп.

– Почти.

– Он опасный?

Рома посмотрел на меня прямо.

– Да.

Вот это мне в нем и нравилось.

Если уж он говорил правду, то не заворачивал ее в подарочную бумагу.

После встречи с Денисом Рома стал другим.

Больше молчал. Иногда исчезал после уроков. Не отвечал на сообщения по несколько часов, а потом писал короткое: «Дома?» И я злилась. А потом радовалась этому одному слову, как дура.

В пятницу Кристина подсела ко мне на перемене.

Кристина в последнее время активно изображала дружелюбие. Возможно, ей стало стыдно за то, что раньше она де-

лала вид, будто травля – это погодное явление. Возможно, она просто поняла, что рядом с Ромой меня уже безопаснее не трогать. А может, ей правда хотелось общаться.

Я пока не решила.

– Настя, в субботу вечеринка, – сказала она.

– И?

– Приходи.

– Куда?

– К Денису.

Я медленно подняла взгляд.

– Лаврову?

– Ну да. Там все будут. Музыка, еда, просто тусовка. Ничего такого.

Ничего такого – самая подозрительная фраза в мире. Обычно после нее люди либо падают, либо плачут, либо просыпаются в незнакомом месте.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Настя, ну хватит сидеть в своей ракушке. Ты же не можешь вечно ходить только с Ромой.

– Могу попробовать.

Кристина закатила глаза.

– Да ладно тебе. Денис нормальный, когда не выпендривается. И Алиса будет, но она тебя не тронет. Все уже поняли, что ты с Корсаковым.

Вот это как раз звучало неутешительно.

Я хотела отказаться.

Правда хотела.

Но в тот день Рома снова куда-то исчез после уроков. На мое сообщение ответил только вечером: «Дела. Не жди».

Не жди.

Отлично.

Внутри тут же проснулась идиотская гордость. Та самая, которая делает вид, что помогает тебе быть независимой, а на самом деле толкает в неприятности.

– Ладно, – сказала я. – Приду. Ненадолго.

Кристина просияла.

А у меня внутри что-то тихо сжалось.

Интуиция редко орет.

Обычно она просто дергает за рукав.

И мы, конечно, делаем вид, что это сквозняк.

Вечеринка у Дениса началась еще до моего прихода.

Музыка била по стенам. В гостиной пахло алкоголем, духами, чипсами и подростковой уверенностью в бессмертии. Кто-то танцевал. Кто-то снимал сторис. Кто-то целовался в коридоре так, будто завтра отменили.

Кристина встретила меня слишком радостно.

– Ты пришла!

– Пока не поздно уйти?

– Даже не думай.

Алиса сидела на диване. Увидев меня, она улыбнулась.

Не зло.

Спокойно.

И от этого мне стало еще неприятнее.

Денис появился из кухни с двумя стаканами.

– Новенькая, – сказал он. – Рад, что ты решила не прятаться за Корсакова.

– Я не прячусь.

– Конечно.

Он протянул мне стакан.

– Сок.

Я посмотрела на него.

– Спасибо, не хочу.

– Да ладно, не бойся. Апельсиновый. Без алкоголя.

– Я сказала, не хочу.

Кристина тронула меня за локоть.

– Насть, расслабься. Тут все пьют. Это правда сок.

Вот и надо было на этом моменте поставить стакан на стол и уйти.

Но я устала быть девочкой, которая всего боится.

Устала от Роминых исчезновений. От Алисиных взглядов. От собственного ощущения, что я вечно гостья не только в школе, но и в собственной жизни.

Я взяла стакан.

Сок был холодный. Сладкий. С кислинкой.

– Ну что, – Денис сел рядом, – как тебе наша компания?

– Шумная.

– Корсаков тебя, наверное, к такому не водит.

– А тебе-то что?

Он улыбнулся.

– Просто интересно, почему хорошие девочки выбирают плохих парней.

– Может, потому что хорошие мальчики иногда оказываются хуже.

Улыбка у него стала шире.

– Остро.

Я хотела ответить, но комната вдруг качнулась.

Сначала чуть-чуть.

Потом сильнее.

Я моргнула. Музыка отдалилась, будто кто-то накрыл ее стеклянной банкой. Лица поплыли. В пальцах появилась странная слабость.

Я поставила стакан на стол, но рука не слушалась.

– Что вы мне дали? – спросила я.

Голос был чужой. Тонкий. Ватный.

Денис наклонился ближе.

– Сок.

– Мне плохо.

– Бывает.

Я попыталась встать. Ноги не держали.

– Кристина, – позвала я.

Она стояла у стены и смотрела на меня огромными глазами.

Не подходила.

Никто не подходил.

Алиса смотрела спокойно. Слишком спокойно.

– Помогите, – прошептала я.

Денис взял меня за локоть.

– Пойдем, полежишь.

– Нет.

– Да не ломайся.

Я попыталась вырваться, но тело стало чужим. Тяжелым. Медленным. Как будто меня выключали частями.

Кто-то подхватил меня с другой стороны.

Коридор расплылся темным пятном.

– Не надо, – сказала я.

Или подумала.

Не знаю.

Последнее, что я запомнила, – дверь спальни, смех где-то далеко и лицо Дениса.

Красивое.

Пустое.

Страшное.

А потом мир погас.

Глава 4. Нулевой день

Я очнулась от холода.

Сначала был только он. Холод на коже, в пальцах, где-то под ребрами. Потом запах – тяжелый, сладковатый, липкий. Алкоголь. Духи. Чужая комната.

Я открыла глаза.

Потолок был незнакомым.

Шторы тоже.

Торшер в углу расплывался мутным желтым пятном.

А на краю кровати сидел Денис.

Не испуганный. Не растерянный. Не как человек, который сделал что-то чудовищное и вдруг понял это.

Он сидел спокойно.

Будто все было нормально.

Будто я сама пришла. Сама легла. Сама выбрала оказаться здесь с ватным телом и пересохшим горлом.

– Очнулась, – сказал он. – А я думал, проспишь самое интересное.

Меня передернуло.

Я попыталась сесть. Комната сразу поехала вбок, и меня вдавило обратно в матрас. Тело было не моим. Голова тяжелая, язык сухой, руки слабые.

– Что вы мне дали? – спросила я.

Получилось сипло. Жалко.

Денис улыбнулся.

– Да ничего страшного. Расслабляющее.

– Ты псих?

– А ты слишком нервная для вечеринок.

Он потянулся ко мне.

Я дернулась назад, насколько смогла.

– Не трогай меня.

– Почему сразу так грубо? – Он наклонился ближе. – Ты сама пришла.

– Я не к тебе пришла.

– Сама выпила.

– Вы мне что-то подмешали.

– Сама осталась.

Вот тут внутри меня что-то оборвалось.

Не страх. Страх уже был. Он сидел под кожей, ледяной и огромный.

Оборвалась надежда, что это ошибка. Что он просто придурок. Что сейчас кто-нибудь зайдет, засмеется, скажет: «Да мы пошутили, ты чего».

Нет.

Он не шутил.

Передо мной сидел человек, который считал, что если девушка не может нормально двигаться, то ее «нет» тоже перестает двигаться. Исчезает. Становится неудобным звуком, который можно не слушать.

– Уйди, – сказала я. – Пожалуйста.

Он рассмеялся.

– Вот это уже интереснее. Хорошие девочки сначала командуют, а потом просят.

Я попыталась закричать.

Из горла вышел хрип.

Денис поморщился.

– Тише. Не позорься.

Его пальцы коснулись пуговиц моей блузки.

И я поняла.

Если сейчас никто не войдет, дальше будет хуже.

Не «плохо».

Хуже.

Я схватила его за запястье. Пальцы почти не слушались, но я вцепилась, как могла.

– Я сказала нет.

– А я сказал тише.

Он зажал мне рот ладонью.

Запах его кожи, парфюма и алкоголя ударил в нос. Меня затошнило. Я забилась, но тело не слушалось, словно меня завернули в тяжелое мокрое одеяло.

И тогда дверь распахнулась.

Не красиво. Не киношно.

С грохотом.

Так, будто ее не открыли, а выбили из чужой реальности.

– Убери от нее руки.

Я узнала голос раньше, чем увидела его.

Рома.

Денис отшатнулся так резко, что едва не упал с кровати.

Я повернула голову.

Рома стоял в дверях. Волосы мокрые, куртка расстегнута, дыхание тяжелое. В глазах – не злость.

Нет.

Злость была бы проще.

В его взгляде была темнота. Холодная, страшная, собранная. Такая, от которой нормальные люди сразу вспоминают, что у них есть срочные дела в другом городе.

– Корсаков, – Денис попытался усмехнуться. – Ты чего врываешься? Это не то, что ты подумал.

– Я сказал, – тихо повторил Рома, – убери от нее руки.

Денис поднял ладони.

– Да убрал я.

Рома подошел ко мне.

И его лицо изменилось.

Словно кто-то выключил в нем убийцу и оставил только парня, который боялся сделать лишнее движение.

– Настя, – сказал он. – Ты меня слышишь?

Я кивнула.

Слез не было. Почему-то. Наверное, они тоже не могли двигаться.

– Помоги мне, – прошептала я.

– Я здесь.

Две простые фразы.

Я здесь.

И я вдруг поняла, что еще не исчезла.

Рома снял с кровати плед, накрыл меня, потом осторожно помог застегнуть блузку. Его пальцы дрожали. Он старался не смотреть туда, куда не надо. Старался быть аккуратным. Старался не сорваться.

Получалось плохо.

Потому что, когда он повернулся к Денису, я поняла: сейчас будет страшно.

– Ром, – прошептала я.

Он не услышал.

Или услышал, но уже не мог остановиться.

Первый удар был коротким.

Денис рухнул на бок, даже не успев защититься.

Второй пришелся в челюсть.

Я вздрогнула.

Третий я почти не увидела – перед глазами снова поплыло. Но услышала. Глухой звук. Чужой крик из коридора. Топот.

– Хватит! – крикнул кто-то. Кажется, Илья. – Рома, ты его убьешь!

– Отойди.

– Хорош!

– Я сказал – отойди.

Голоса смешались. Комната раскачивалась. Денис уже лежал на полу, а Рома стоял над ним, сжав кулаки, как чело-

век, который держит в руках не чужую жизнь, а собственный предел.

Я собрала остатки воздуха.

– Рома!

Он замер.

– Хватит, – выдохнула я. – Пожалуйста.

Тишина наступила резко.

Как если бы кто-то выдернул провод из розетки.

Рома повернулся ко мне.

И вернулся.

Я увидела это по глазам. Там все еще была ярость, но теперь рядом с ней появилась боль.

– Поехали домой, – сказал он.

Не «ты как». Не «что он успел». Не «я его добью потом».

Поехали домой.

Самые правильные слова на свете.

Он накинул на меня свою куртку. Поднял на руки. Я хотела сказать, что могу идти сама, но не могла. Ни идти, ни спорить, ни вообще быть привычной Настей, которая держится на сарказме и упрямстве.

В гостиной было тихо.

Музыку выключили.

Люди стояли у стен и смотрели кто куда. Кристина плакала. Алиса была белая, как мел. Кто-то отвел глаза. Кто-то сделал вид, что не понимает, что случилось.

Никто не сказал ни слова.

Я запомнила это.

Не Дениса на полу. Не плед. Не коридор.

Их молчание.

На улице меня начало трясти.

Сначала руки. Потом плечи. Потом все тело, так сильно, что зубы застучали.

Рома усадил меня в машину и пристегнул ремень. Его пальцы снова дрожали.

– Смотри на меня, – сказал он. – Только на меня.

Я смотрела.

На его профиль. На сжатую челюсть. На разбитые костяшки. На то, как он вцепился в руль, будто если отпустит, то вернется и все-таки убьет Дениса.

– Откуда ты узнал? – спросила я.

Голос был чужой.

– Кристина позвонила, – ответил он. – Сказала, что Денис что-то задумал. Я не сразу понял, насколько все плохо.

Он ударил ладонью по рулю.

– Я не должен был отпускать тебя туда.

– Ты не отпускал.

– Я знал, что он опасен.

– Рома.

Он замолчал.

Я отвернулась к окну. Фонари плыли мимо, превращаясь в мутные пятна.

Мне хотелось исчезнуть.

Нет, не умереть. Не так.

Просто перестать быть телом, которое кто-то мог трогать. Перестать быть девочкой, которую можно затащить в комнату, пока другие смотрят.

Дома было пусто.

Мама была на смене. Отец в командировке.

И только в прихожей, когда дверь закрылась, меня наконец прорвало.

Я заплакала.

Не красиво. Не тихо. Не так, чтобы можно было потом сказать: «Я просто немного сорвалась».

Я плакала всем телом.

Рома снял с меня ботинки, помог дойти до комнаты, укрыл одеялом. Потом принес воду. Мокрое полотенце. Аптечку, хотя аптечка уже ничем не могла помочь.

Он сел на пол у кровати.

Не рядом на кровать. Не слишком близко.

На пол.

Словно боялся забрать у меня даже право на расстояние.

– Все, – тихо сказал он. – Все. Я с тобой.

Это было неправдой.

Ничего не закончилось.

Страх не закончился. Стыд не закончился. Тошнота от чужой ладони на лице не закончилась. Мысль о том, что могло случиться, если бы Рома не вошел, не закончилась вообще никогда.

Но его голос держал меня на поверхности.

И я цеплялась.

– Ты уйдешь? – спросила я через какое-то время.

Рома посмотрел на меня так, будто сам вопрос был невозможным.

– Нет.

– Не оставляй меня одну.

– Не оставлю.

Он сказал это просто.

Без клятв. Без драматичных обещаний. Без мужского героизма, от которого потом всем надо аплодировать.

И остался.

Сидел у стены, пока я плакала. Потом, когда слезы закончились, молчал. Его куртка висела на спинке стула. На виске у него была ссадина. Костяшки разбиты.

– Рома, – позвала я.

– Мм?

– Спасибо.

Он закрыл глаза.

– Не говори так.

– Почему?

– Потому что я просто успел.

Я протянула руку.

Он сразу взял ее. Осторожно. Очень осторожно. Как будто даже мои пальцы могли болеть.

Так мы и сидели.

Я под одеялом. Он на полу. Ладонь в ладони. Между нами – тишина, вода на тумбочке и ночь, после которой человек уже не бывает прежним.

Под утро я провалилась в сон.

Тяжелый. Черный. Без сновидений.

Последнее, что я помню, – Рома рядом и серый свет за окном.

Я тогда еще не знала, что люди иногда исчезают не после долгих разговоров.

Иногда они уходят именно после ночей, в которые обещали остаться.

Глава 5. Тот, кто остался

Рома исчез.

Не ушел красиво, не объяснился, не сказал: «Мне нужно время, Настя, подожди». Просто пропал.

Оставил записку.

«Прости. Я должен уехать. Не ищи меня».

Все.

Три коротких предложения.

Три удара под дых.

Я перечитывала записку столько раз, что бумага стала мягкой по сгибам. Сначала искала скрытый смысл. Потом ошибку. Потом хотя бы намек, что он вернется.

Ничего.

Прости.

Должен.

Не ищи.

Как будто можно приказать человеку не искать того, кто вчера держал его за руку, пока весь мир разваливался.

Первые три дня я почти не вставала.

Лежала на кровати, смотрела в потолок и слушала, как квартира живет без меня. Мама заходила с чаем, супом, фруктами, таблетками от головы, хотя голова у меня не болела. Болело все остальное.

– Настенька, надо поесть, – говорила она.

– Не хочу.

– Хотя бы пару ложек.

– Мам, пожалуйста.

Она садилась рядом, гладила меня по волосам и молчала.

Я знала, что она хочет спросить. Что случилось? Почему Рома не приходит? Почему ты такая бледная? Почему вздрагиваешь, когда хлопает дверь?

Но мама не спрашивала.

То ли боялась ответа, то ли уже чувствовала, что рядом со мной стоит что-то темное, к чему нельзя прикасаться голыми руками.

Отец звонил из командировки.

– Настя, хватит драматизировать, – сказал он на второй день. – В твоем возрасте мальчики приходят и уходят. Учеба остается.

Я бросила трубку.

Впервые в жизни без чувства вины.

На четвертый день я встала.

Не потому, что стало легче. Просто лежать дальше было невозможно. Потолок уже знал обо мне слишком много.

В зеркале на меня смотрела девочка с бледным лицом, темными кругами под глазами и таким взглядом, будто ее выключили, а обратно включить забыли.

Я умылась. Собрала волосы. Натянула форму.

И пошла в школу.

Потрясающий выбор места для возвращения к жизни.

Просто санаторий для психики.

В коридоре на меня смотрели.

Все.

Даже те, кто раньше не видел меня в упор. Шепот шел за спиной, как мелкий противный дождь.

– Это она была у Дениса.

– Корсаков его избил.

– Говорят, Лавров в больнице.

– А она чего?

– А Рома уехал.

Правду никто не знал.

Или не хотел знать.

Им хватало версии, где один парень избил другого из-за девочки. Так проще. Почти романтично. Можно обсуждать, выбирать стороны, строить догадки.

А то, что девочку перед этим накачали чем-то и затащили в спальню, – это уже неудобно. Это портит веселую школьную сплетню.

Алиса делала вид, что меня не существует.

Даша и Карина тоже.

Очень удобно. Сначала участвовать в разрушении человека, потом просто отвернуться и считать вопрос закрытым.

На большой перемене ко мне подошла Кристина.

Она выглядела плохо. Глаза красные, губы искусаны, рука теребит рукав.

– Настя, – сказала она. – Прости.

Я посмотрела на нее.

– За что именно?

Она вздрогнула.

– За все. Я не знала, что Денис зайдет так далеко.

– Но знала, что он что-то задумал.

– Да.

– И позвонила Роме только когда стало совсем страшно.

Кристина опустила глаза.

– Он сказал, если я кому-нибудь расскажу, то со мной будет то же самое.

Я молчала.

Очень хотелось быть благородной. Сказать: «Все нормально, ты же испугалась». Обнять ее. Стать мудрой героиней, которая понимает чужую слабость.

Но внутри у меня еще сидела та спальня.

И молчание людей в гостиной.

– Ты могла предупредить меня раньше, – сказала я.

– Могла, – прошептала она. – Но не смогла.

Вот это было честно.

Не «я не знала». Не «меня заставили». Не «ты не так поняла».

Просто не смогла.

Я почему-то поверила.

– Ладно, – сказала я. – Проехали.

Кристина подняла на меня глаза.

– Правда?

– Нет. Не правда. Но я не хочу носить еще и это.

Она всхлипнула и обняла меня.

Я не обняла в ответ сразу.

Потом все-таки подняла руку и неловко положила ей на плечо.

Так у меня в этой школе появилась подруга.

Не идеальная. Не героиня. Не человек, который всегда поступает правильно.

Живая.

Наверное, мне сейчас именно такие и были нужны.

Дни стали тягучими.

Рома не писал.

Телефон был выключен.

В его окне по вечерам не горел свет.

Я звонила Илье. Он сначала не брал трубку. Потом ответил.

– Насть, не лезь.

– Где он?

– Не знаю.

– Илья.

– Правда не знаю. Он сказал, что уезжает. Все.

– Куда?

– Не сказал.

– Он вернется?

Пауза.

Слишком долгая.

– Ему нужно разобраться с делами, – наконец сказал Илья. – Он вернется, когда сможет.

– А если не сможет?

– Не накручивай.

Легко сказать.

Я жила именно этим – накручивала.

Где он? С кем? Жив ли? Почему не взял меня? Почему после всего просто ушел? Почему написал «не ищи», будто я послушная собака и выполню команду?

Кристина уверяла:

– Он вернется.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что он тебя любит.

Я усмехалась.

– Люди, которые любят, не исчезают.

– Иногда исчезают, когда думают, что так спасают.

Очень хотелось в это поверить.

Но надежда – мерзкая штука. Сначала греет, потом начинает жечь.

На пятнадцатый день я снова позвонила Илье.

– Настя, – устало сказал он. – Я же просил.

– Я имею право знать. Я его девушка.

Он молчал.

Потом сказал:

– Бывшая.

Мир стал очень тихим.

– Что?

– Он просил передать, чтобы ты его забыла.

– Нет.

– Насть…

– Нет. Он не мог.

– Сказал, что все кончено. Не жди его.

Я сидела на кровати и смотрела в стену.

В комнате было светло. За окном кто-то смеялся. У соседей сверху что-то упало.

Обычные звуки обычного мира.

А у меня внутри что-то умерло.

– Ты врешь, – сказала я.

– Хотел бы, – ответил Илья и отключился.

Я не плакала сразу.

Сначала просто сидела.

Потом согнулась пополам, как будто меня ударили. Боль была физической. Настоящей. Резкой. В груди, в животе, в горле.

Мама прибежала на мой крик.

Я даже не поняла, что кричу.

Она обняла меня, прижала к себе, шептала что-то бессмысленное и теплое. Я рыдала ей в халат, как маленькая. Как в детстве, когда разбивала коленку и верила, что мамины руки могут исправить все.

Не могли.

Рома меня бросил.

Не уехал. Не исчез. Не спасал.

Бросил.

Сказал забыть.

И этой ночью я впервые достала визитку Кирилла.

Она лежала в ящике стола с того дня, как он подошел ко мне у подъезда.

Кирилл появился на шестнадцатый день.

Точнее, я увидела его раньше, но тогда еще не знала, что он станет отдельной катастрофой.

Он стоял у моего подъезда, прислонившись к стене, и смотрел в телефон. Высокий, светловолосый, в дорогом черном пальто. Красивый до раздражения. Из тех людей, которые выглядят так, будто их собирали по референсам: правильные черты лица, серые глаза, длинные ресницы, холодная улыбка.

– Настя? – спросил он.

– Да.

– Кирилл.

– Поздравляю.

Он усмехнулся.

– Мы учимся в одной школе. Одиннадцатый «Б».

– Я тебя не помню.

– Конечно. Ты смотрела только на Корсакова.

От того, как он произнес фамилию Ромы, мне стало неприятно.

Слишком много презрения. Слишком много личного.

– Что тебе нужно?

– Поговорить.

– Я не разговариваю с незнакомыми красивыми мальчиками у подъезда. Мама учила.

– Умная мама.

– Так что?

Он кивнул на лавочку.

– Пять минут. Это про Рому.

Я села.

Потому что дура.

Потому что имя Ромы все еще было ключом от любой двери во мне.

Кирилл не стал тянуть.

– Что ты знаешь о нем?

– Достаточно.

– Правда? Ты знаешь, что его отец был не просто уголовником? Что он работал на людей, которые до сих пор считают, что Рома должен платить по чужим долгам?

У меня похолодели руки.

– Что ты несешь?

Кирилл достал телефон и показал фото.

Рома. В компании взрослых мужчин в дорогих костюмах. Стоит чуть в стороне, ссутулившись, смотрит в пол.

Я не хотела верить.

Но это был он.

– Его заставили, – сказал Кирилл. – Шантажировали ма-

терью. Он перевозил кое-что. Нелегальное.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Потому что он в долгах.

– Рома?

– Да. Больших. И уехал он не потому, что захотел. Ему сказали выполнить одно дело. Иначе пострадаешь ты.

Скамейка подо мной будто исчезла.

Я вцепилась пальцами в край.

– Это неправда.

– Хотел бы соврать. Но нет.

– Почему ты вообще знаешь?

– У моей семьи есть связи.

– Конечно. У всех богатых мальчиков в этом городе есть связи, травмы и желание играть в спасателей?

Он улыбнулся.

– Мне нравится, что ты злишься. Значит, еще не сломалась.

– Я сейчас уйду.

– Уйдешь – Рома может не вернуться.

Я замерла.

Кирилл это заметил. Конечно, заметил. Такие люди всегда видят, где у тебя больно, и ставят туда каблук.

– Есть способ его вытащить, – сказал он.

– Какой?

– Долг можно перевести. Выкупить. Забрать на другого человека, у которого хватит веса.

– На кого?

– На меня.

Я посмотрела на него.

– И что ты хочешь взамен?

Он не отвел глаз.

– Тебя.

Я даже не сразу поняла.

– В смысле?

– Будешь моей девушкой.

– Ты больной?

– Возможно. Но не по-настоящему. Для вида. Все должны думать, что ты со мной. Тогда Рому отпустят.

Я встала.

– Ты псих.

– Подумай. У тебя есть время. Его не будет еще недели две. Потом может стать поздно.

Он протянул визитку.

Я не взяла.

Тогда он положил ее на лавку.

– Позвонишь, когда решишься.

Кирилл ушел.

А я осталась стоять у подъезда и смотреть на маленький прямоугольник бумаги.

Я не собиралась звонить.

Нет.

Разумеется, нет.

Нормальные люди не заключают сделки с парнями, которые требуют тебя в обмен на чужую жизнь.

Только я уже давно не чувствовала себя нормальной.

После разговора с Ильей, после слова «бывшая», после боли, которая не отпускала, я набрала номер.

Кирилл ответил почти сразу.

– Настя.

Будто ждал.

– Я согласна, – сказала я.

Голос был спокойный. Даже страшно.

– На мое предложение?

– Да. Но если ты обманешь…

– Не обману.

– Ты поможешь Роме. Вытащишь его из этого. И тогда я буду делать то, что ты скажешь.

На другом конце линии Кирилл тихо усмехнулся.

– Договорились.

И я поняла, что только что подписала что-то очень плохое.

Не кровью.

Хуже.

Любовью.

На следующий день мы встретились у торгового центра.

Кирилл ждал возле входа. Кожаная куртка, дорогие кроссовки, волосы уложены так небрежно, что сразу ясно – на эту небрежность потратили время.

– Идем, – сказал он и взял меня за руку.

Я хотела выдернуть пальцы, но он сжал крепче.

– Привыкай.

– Не начинай.

– Настя, если мы играем пару, ты должна хотя бы не выглядеть так, будто идешь на казнь.

– А я не иду?

Он улыбнулся.

– Пока нет.

Мы сели в его черный «Мерседес». В салоне пахло кожей и дорогим парфюмом. Кирилл вел уверенно, одной рукой. Второй держал мою ладонь.

Я смотрела в окно и пыталась не думать, что делаю.

– Боишься? – спросил он.

– Нет.

– Врешь.

– У вас с Ромой это любимое слово?

Лицо Кирилла чуть изменилось.

– Не сравнивай меня с ним.

– Тогда не веди себя как он.

– Я лучше.

– В чем?

– Я не убегаю от своих решений.

Я промолчала.

Мы приехали в район, где дома были не домами, а заявлениями о доходах. Высокие заборы, камеры, охрана, гладкие дорожки, белые фасады. У одного из особняков Кирилл

остановился.

– Это твой дом?

– Нет. Дом человека, который решает судьбу Ромы.

У меня внутри все сжалось.

– Я не хочу туда идти.

– Хочешь спасти Корсакова?

Ненавижу этот вопрос.

Потому что ответ всегда один.

– Да.

– Тогда идем.

Нас пропустил охранник. Внутри пахло дорогим табаком, кожей и деньгами. Не теми деньгами, которые лежат в кошельке. А теми, которые решают, кому можно дышать.

В гостиной сидел мужчина лет пятидесяти. Полный, седой, с тяжелым взглядом и золотым кольцом на пальце.

– Кирилл, – сказал он. – А это та самая девочка?

– Да, дядя Витя. Настя.

Мужчина посмотрел на меня так, будто оценивал не человека, а вещь на аукционе.

– Красивая. Понимаю, почему Корсаков дергается.

– Что вы хотите? – спросила я.

Голос почти не дрожал. Я даже гордилась собой секунд пять.

– Ничего, девочка. Все уже решено. Долг Корсакова закрыт. Кирилл позаботился.

Я резко повернулась к Кириллу.

– И что теперь?

– Теперь ты выполняешь нашу договоренность, – сказал он. – Ты моя девушка.

– Для вида.

– Конечно.

Он улыбнулся.

Но глаза у него были холодные.

Дядя Витя хмыкнул.

– Смотри, не обижай ее.

– Не обижу, – ответил Кирилл. – Она для меня слишком ценна.

На улице я выдернула руку.

– Когда Рома вернется?

– Скоро. Дня через три или четыре.

– Я смогу с ним поговорить?

– Нет.

– Что?

– Ты теперь со мной, Настя. Ты сама согласилась.

– Для вида.

– Для всех вид и есть правда.

Я смотрела на него и впервые по-настоящему испугалась.

Не потому, что он был грубым. Нет. Кирилл не повышал голос, не хватал меня слишком резко, не угрожал прямо.

Он просто говорил так, будто мир уже подписал его версию событий.

– Если Рома подойдет? – спросила я.

– Не подойдет.

– Почему?

Кирилл сел в машину и улыбнулся.

– Я позабочусь.

И вот тогда я поняла.

Сделка с дьяволом всегда кажется спасением только до того момента, пока ты не замечаешь подпись мелким шрифтом.

Глава 6. Дорога в никуда

Две недели я жила как в тумане.

Ходила в школу, делала уроки, разговаривала с мамой, смеялась вместе с Кристиной – но все это было не по-настоящему. Словно я смотрела на свою жизнь со стороны, через мутное стекло.

Мысли о Роме не отпускали ни на минуту. Где он? Что с ним? С ним все в порядке? Каждый вечер я смотрела в окно его квартиры – там было темно. Он не возвращался.

Визитка Кирилла лежала в моем столе, и я перечитывала ее каждый день. Номер, имя, название какой-то компании. Я не звонила. Но и выбросить не могла.

Кристина заметила, что со мной что-то не так.

– Ты какая-то потерянная, – сказала она однажды, когда мы сидели в кафе после школы. – Что случилось?

– Ничего, – соврала я.

– Не ври, – она накрыла мою руку своей. – Настя, я вижу, что ты мучаешься. Это из-за Ромы?

Я кивнула, не в силах говорить.

– Он вернется, – сказала она. – Обязательно.

– А если нет? – прошептала я.

– Вернется, – повторила она твердо.

Я хотела рассказать ей о Кирилле, о его предложении. Но что-то остановило меня. Может быть, стыд. А может быть,

интуиция, которая шептала, что этому парню нельзя доверять.

На пятнадцатый день я не выдержала.

Набрала номер Ильи, друга Ромы.

– Алло, – ответил он после третьего гудка.

– Илья, это Настя. Ты не знаешь, где Рома?

– Насть, я же говорил, не лезь, – в его голосе послышалось раздражение. – Ему сейчас не до тебя.

– А до чего ему? – я повысила голос. – Илья, я имею право знать. Я его девушка.

– Бывшая, – ответил он жестко.

Я замерла.

– Что?

– Он сказал передать, чтобы ты его забыла, – Илья вздохнул. – Что все кончено. Не жди его.

– Он не мог так сказать, – прошептала я. – Ты врешь.

– Не вру, – ответил он устало. – Извини, Настя. Так лучше для всех.

Он повесил трубку.

Я сидела на кровати, сжимая телефон в руке, и не чувствовала ничего. Пустота. Абсолютная пустота.

А потом боль пришла. Такая сильная, что я согнулась пополам, обхватив себя руками, и завыла.

Мама прибежала на крик. Обняла, прижала к себе, зашептала что-то успокаивающее. Но ничего не помогало. Рома меня бросил. Не просто уехал – бросил. Сказал забыть его.

– Все пройдет, доченька, – шептала мама, гладя меня по голове. – Все пройдет.

– Не пройдет, – всхлипывала я. – Никогда не пройдет.

В ту ночь я решила, что позвоню Кириллу.

На следующий день после уроков я набрала номер. Трубку сняли после первого гудка.

– Настя, – голос Кирилла звучал так, будто он ждал моего звонка. – Я знал, что ты позвонишь.

– Откуда? – спросила я.

– Потому что ты любишь его, – ответил он. – А любовь толкает людей на отчаянные поступки.

– Я согласна, – сказала я, чувствуя, как внутри все сжимается. – На твое предложение. Но с условием.

– Каким?

– Ты поможешь Роме. Вытащишь его из этой истории. И тогда я буду делать все, что ты скажешь.

– Договорились, – он усмехнулся. – Встретимся завтра у торгового центра в шесть. Я расскажу, что нужно делать.

Он отключился, а я осталась стоять посреди школьного двора, чувствуя себя так, будто подписала договор с дьяволом.

На следующий день я пришла на встречу.

Кирилл ждал меня у входа в торговый центр. На нем была черная кожаная куртка, джинсы и дорогие кроссовки. Выглядел он как модель с обложки глянцевого журнала – ухоженный, стильный, самоуверенный.

– Идем, – сказал он, беря меня за руку. – Нам нужно кое-куда заехать.

– Куда?

– Увидишь.

Мы сели в его машину – черный «Мерседес» последней модели. Салон пах кожей и дорогим парфюмом. Кирилл вел уверенно, одной рукой, второй держа меня за руку. Его пальцы были длинными и холодными.

– Не бойся, – сказал он, заметив, что я напряжена. – Я не кусаюсь.

– Я не боюсь, – соврала я.

– Врешь, – он усмехнулся. – Но это даже мило.

Мы приехали в элитный район, где дома стояли далеко друг от друга, окруженные высокими заборами. Кирилл припарковался у одного из них – белого особняка с колоннами.

– Это твой дом? – спросила я.

– Нет, – он покачал головой. – Это дом человека, который решает судьбу Ромы. Пойдем, я познакомлю тебя с ним.

У меня подкосились ноги.

– Я не хочу туда идти.

– Ты хочешь спасти Рому? – спросил Кирилл.

– Да.

– Тогда идем.

Он взял меня за руку и повел к воротам. Охранник пропустил нас без вопросов, только кивнул Кириллу.

Внутри дом оказался еще роскошнее, чем снаружи. Мра-

морные полы, хрустальные люстры, картины на стенах. Пахло дорогим табаком и чем-то сладким.

В гостиной за столом сидел мужчина лет пятидесяти – полный, с седыми волосами и тяжелым взглядом. На его пальце блестело массивное золотое кольцо.

– Кирилл, – он поднялся. – А это, видимо, та самая девочка?

– Да, дядя Витя, – Кирилл подтолкнул меня вперед. – Настя.

– Настя, значит, – мужчина окинул меня изучающим взглядом. – Красивая. Я понимаю, почему Корсаков за нее так переживает.

– Что вы хотите? – спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Хочу? – он рассмеялся. – Ничего. Я уже все получил. Долг Корсакова погашен. Кирилл позаботился. Так что парень свободен.

– А что взамен? – спросила я, глядя на Кирилла.

– А ничего, – ответил он. – Ты будешь моей девушкой. Как и договаривались.

– Для вида, – напомнила я.

– Конечно, – он улыбнулся, но в его глазах было что-то, что мне не понравилось. – Для вида.

Дядя Витя хлопнул Кирилла по плечу.

– Хорошая девочка. Смотри, не обижай ее.

– Не обижу, – ответил Кирилл. – Она для меня слишком

ценна.

Мы ушли.

В машине я спросила:

– Когда вернется Рома?

– Скоро, – ответил Кирилл. – Дня через три. Ты его увидишь. Но помни о нашем уговоре. Ты теперь моя девушка. Это значит, что ты не должна с ним разговаривать. Не должна встречаться. Ты его забыла.

– А если он сам подойдет?

– Не подойдет, – усмехнулся Кирилл. – Я позабочусь.

Глава 7. Возвращение

Рома вернулся через четыре дня.

Я увидела его из окна школы – он шел по двору, один, ссутулившись, с тем же выражением усталости на лице. Сердце мое пропустило удар. Я хотела выбежать, броситься к нему, обнять, поцеловать, сказать, как я скучала.

Но рядом стоял Кирилл.

Он взял меня за руку и сжал ее так сильно, что я поморщилась.

– Не смей, – прошептал он. – Ты моя. Помнишь?

Я кивнула. Слезы подступили к глазам, но я сдержалась.

Рома вошел в школу. Я видела, как он поднимается по лестнице, как проходит мимо нашего класса. Он даже не посмотрел в мою сторону. Словно меня не существовало.

– Он знает? – спросила я у Кирилла. – О нашем уговоре?

– Знает, – ответил он. – Я ему сказал, что ты теперь со мной. Что ты сама выбрала.

– Зачем ты это сделал?

– Чтобы он не мучился, – Кирилл пожал плечами. – И чтобы не пытался тебя вернуть.

Я почувствовала, как внутри меня поднимается волна гнева.

– Ты не имел права!

– Имел, – он посмотрел на меня холодно. – Ты согласи-

лась. Ты сама. Никто тебя не заставлял.

Он был прав. Я согласилась. Сама. Потому что хотела спасти Рому. Но теперь, когда он стоял в нескольких метрах от меня, я поняла, что совершила ошибку.

Весь день я не находила себе места. На уроках не слушала учителей, на переменах смотрела в окно. Рома не появлялся – может, ушел, может, прятался.

После школы я вышла на улицу и увидела его.

Он стоял у крыльца, прислонившись к стене, и курил. Заметив меня, он выбросил сигарету и направился в мою сторону.

– Настя, – сказал он. – Можно поговорить?

Я оглянулась – Кирилла не было. Но он мог появиться в любую минуту.

– Не надо, – ответила я. – Нам не о чем говорить.

– Не надо? – он удивленно поднял бровь. – Настя, я уезжал, я…

– Я знаю, зачем ты уезжал, – перебила я. – Знаю про долги, про твоего отца, про этих людей. И знаю, что ты хотел меня защитить.

– Откуда ты…

– Не важно, – я сделала шаг назад. – Все кончено, Рома. Я теперь с Кириллом.

Его лицо исказилось. Сначала боль, потом гнев.

– С Кириллом? – переспросил он. – С этим…

– Не надо, – я подняла руку. – Просто прими это. Так будет

лучше для всех.

– Для кого лучше? – он шагнул ко мне. – Для тебя? Для меня? Настя, посмотри на меня. Я люблю тебя. Я все это время думал только о тебе. А ты…

– А я решила, что хочу другого, – сказала я, чувствуя, как сердце разрывается на части. – Прости.

Я развернулась и почти побежала прочь, не оглядываясь. Слезы текли по щекам, но я не вытирала их.

Дома я закрылась в комнате и проплакала до вечера.

Мама стучала в дверь, но я не открывала.

Я предала его. Предала ради того, чтобы спасти. Но какая теперь разница? Он думает, что я выбрала другого. Что я его бросила.

Лучше бы он никогда не возвращался.

На следующий день в школе меня ждал сюрприз.

Кирилл подошел ко мне на перемене, обнял за талию и поцеловал – при всех. Я не сопротивлялась. Что мне оставалось?

– Теперь все знают, что ты моя, – сказал он, отстраняясь. – И Корсаков тоже.

Я посмотрела в сторону Ромы. Он стоял у окна, сжимая кулаки, и смотрел на нас с такой ненавистью, что мне стало страшно.

– Ты этого хотел? – спросила я у Кирилла.

– Да, – ответил он. – Чтобы он страдал. Чтобы понял, что такое терять.

– За что ты его ненавидишь?

– За то, что он есть, – Кирилл усмехнулся. – За то, что он живет, а его отец убил моего.

У меня перехватило дыхание.

– Что?

– Его отец, – повторил Кирилл. – Убил моего. Пять лет назад. Случайно, как они говорят. Но моя семья не простила. И я не простил.

– И поэтому ты решил отобрать у него девушку? – прошептала я.

– Это только начало, – ответил он и ушел, оставив меня стоять в полном шоке.

Я попала в ловушку. И выбраться из нее не было никакой возможности.

Глава 8. Клетка из лжи

Дни тянулись один за другим, серые и одинаковые, как стеклянные шарики в автомате.

Я играла роль девушки Кирилла. Ходила с ним за руку, улыбалась, когда он говорил что-то смешное, терпела его поцелуи при всех. Поцелуи были холодными, бездушными – он целовал меня так, будто выполнял обязанность. И я отвечала тем же.

Внутри меня было пусто. Я превратилась в марионетку, которую дергал за ниточки этот красивый, опасный парень с серыми глазами.

Рома избегал меня. Мы больше не разговаривали. Когда наши взгляды встречались в коридоре, он отводил глаза и ускорял шаг. Один раз я заметила, как он смотрит на меня с такой тоской, что у меня защемило сердце. Я хотела подойти, сказать ему правду, но рядом всегда был Кирилл.

Он следил за мной. Не отпускал ни на шаг. Провожал до дома, встречал после школы, звонил каждые полчаса, чтобы убедиться, что я на месте. Я чувствовала себя птицей в золотой клетке.

– Ты слишком много думаешь о нем, – сказал он однажды, когда мы сидели в кафе.

– О ком? – не поняла я.

– О Корсакове, – он усмехнулся. – Думаешь, я не замечаю?

Как ты смотришь на него. Как вздыхаешь, когда он проходит мимо.

– Я не…

– Не ври, – перебил он. – Ты все еще его любишь. Но это пройдет. Скоро ты полюбишь меня.

– Никогда, – ответила я.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, потом наклонился и прошептал на ухо:

– Посмотрим.

Вечером того же дня мне позвонил Илья.

– Настя, нам нужно встретиться, – сказал он без приветствия. – Дело важное.

– Где?

– У школы. Через час.

Я пришла. Илья ждал меня на скамейке за спортплощадкой – там же, где Рома когда-то обрабатывал мою разбитую губу.

– Что случилось? – спросила я.

– Рома в плохом состоянии, – сказал он. – Пьет. Не ест. Прогуливает школу. Если так пойдет дальше, его исключат.

– А мне что делать?

– Ты должна поговорить с ним, – Илья посмотрел мне в глаза. – Объяснить, почему ты с Кириллом. Сказать правду.

– Я не могу, – прошептала я. – Кирилл…

– Плевать на Кирилла, – перебил Илья. – Настя, Рома любит тебя. Он с ума сходит. Если ты ему не скажешь, он про-

падет.

– А если я скажу, что будет? Кирилл расскажет тем людям, и они…

– Они ничего не сделают, – Илья покачал головой. – Потому что долг уже погашен. Кирилл блефует. Он просто хочет тебя унизить, отобрать у Ромы. Это месть, Настя. Чистая месть.

Я молчала, переваривая его слова.

– Подумай, – сказал Илья, вставая. – Время идет. Рома с каждым днем становится все хуже. Если ты его не спасешь, никто не спасет.

Он ушел, а я осталась сидеть на скамейке, чувствуя, как мир рушится вокруг меня.

В ту ночь я не спала. Лежала на кровати, смотрела в потолок и думала. О Роме, о Кирилле, о себе. О том, как я оказалась в этой ловушке. О том, как выбраться.

К утру я приняла решение.

Я расскажу Роме правду. Пусть будет что будет. Но сначала нужно встретиться с ним наедине.

Я написала ему сообщение: «Рома, мне нужно тебе кое-что сказать. Встретимся сегодня после школы на набережной. Пожалуйста, приди».

Ответ пришел через минуту: «Хорошо».

Сердце забилось быстрее.

После уроков я сказала Кириллу, что у меня репетитор, и что он не должен меня провожать. Он посмотрел на меня

подозрительно, но отпустил.

Я побежала на набережную.

Рома уже был там. Он стоял у перил, смотрел на воду, и ветер трепал его темные волосы. Когда я подошла, он обернулся.

– Настя, – сказал он. – Что случилось?

– Рома, – я подошла ближе. – Я должна тебе кое-что сказать. То, что должна была сказать давно.

– Говори.

Я глубоко вздохнула.

– Я не люблю Кирилла. Я люблю тебя. Я согласилась быть с ним, потому что он сказал, что поможет тебе. Что выкупит твой долг, чтобы тебя отпустили. Я сделала это ради тебя.

Рома смотрел на меня, и его лицо медленно менялось – от недоверия к пониманию, от понимания к боли.

– Настя… – прошептал он. – Зачем ты это сделала?

– Потому что я боялась тебя потерять, – ответила я. – Потому что я люблю тебя. Потому что без тебя моя жизнь не имеет смысла.

Он шагнул ко мне и обнял. Так крепко, что я едва могла дышать.

– Дура, – прошептал он мне в волосы. – Какая же ты дура.

– Знаю, – всхлипнула я. – Прости меня.

– Не за что просить прощения, – он отстранился и посмотрел мне в глаза. – Ты спасла меня. А я…

– Ты ничего не должен, – я приложила палец к его губам.

– Мы квиты.

Он улыбнулся. Впервые за долгое время. И эта улыбка осветила все вокруг.

– Что теперь? – спросил он.

– Теперь мы будем вместе, – ответила я. – И плевать на Кирилла.

– А если он…

– Я справлюсь, – сказала я. – Мы справимся.

Он поцеловал меня. На этот раз поцелуй был другим – не осторожным, не нежным. А жадным, голодным, полным всего того, что мы не говорили друг другу все эти недели.

Я прижалась к нему, чувствуя, как его руки скользят по моей спине, как его губы исследуют мои. Внутри меня разгорался огонь – тот самый, который я так долго тушила.

– Поехали ко мне, – прошептал он. – Нам нужно поговорить.

Я кивнула.

Мы сели в его разбитую машину и поехали.

Глава 9. Ночь, которая все изменила

Квартира Ромы встретила меня полумраком и тишиной. Мать была на работе – он сказал, что у нее сегодня ночная смена.

Мы прошли в его комнату. Она была маленькой, почти пустой – кровать, стол, гитара в углу. Но мне нравилось здесь. Потому что здесь пахло им.

– Садись, – он кивнул на кровать.

Я села. Он сел рядом, взял меня за руку.

– Настя, – начал он. – Я должен тебе кое-что рассказать. О том, что случилось, когда я уезжал.

– Не надо, – покачала я головой. – Я не хочу знать.

– А я хочу, чтобы ты знала, – он сжал мою руку. – Я ездил в другой город. Делал то, что они просили. Перевозил кое-что. Это было опасно. Несколько раз меня могли поймать. Но я думал о тебе. Только о тебе.

– Рома…

– Дай закончить, – он поднял руку. – Я понял, что не хочу такой жизни. Не хочу, чтобы ты была частью этого. Поэтому, когда мне предложили последнее дело, я сказал, что это будет конец. Либо я выхожу, либо они меня убивают. Они выбрали первое.

– И поэтому ты вернулся?

– И поэтому я вернулся, – он кивнул. – Чтобы начать новую жизнь. С тобой.

На глаза навернулись слезы.

– Я так боялась, что ты не вернешься, – прошептала я. – Что я тебя потеряла.

– Не потеряла, – он убрал волосы с моего лица. – Я здесь. И никуда не уйду.

Он поцеловал меня снова – медленно, глубоко, так, что у меня закружилась голова. Его ладонь легла мне на спину, и от этого простого прикосновения по коже прошла дрожь.

– Ты уверена? – спросил он, отстраняясь.

– Да, – ответила я. – Я никогда не была так уверена.

Он отодвинул прядь волос с моего лица, и в его взгляде было столько нежности и напряжения сразу, что у меня перехватило дыхание. Мне казалось, я вижу перед собой не только его силу, но и всю его уязвимость.

– Ты боишься? – спросил он, касаясь губами моего виска.

– Нет, – выдохнула я. – С тобой я ничего не боюсь.

Он притянул меня к себе, и мир вдруг сузился до его дыхания, тепла и того тихого безумия, которое бывает только в минуту полной близости. Я обнимала его за плечи и чувствовала, как между нами исчезает все, что так долго мешало.

– Настя, – хрипло сказал он, уткнувшись лбом в мой висок. – Ты сводишь меня с ума.

– Хорошо, – прошептала я. – Своди.

А дальше ночь просто сомкнулась вокруг нас, бережно и неотвратимо. За окном жил какой-то чужой мир, а здесь оставались только наши сбившиеся вдохи, шепот и ощущение, что после всех потерь мы наконец нашли друг друга по-настоящему.

Все было ярко, слишком близко к сердцу, слишком честно для красивых описаний. Мне казалось, что я не падаю, а, наоборот, впервые за долгое время возвращаюсь к себе.

Я прятала лицо у него на плече, улыбалась сквозь слезы и слышала, как он шепчет мое имя так, будто в нем одном помещается вся его нежность.

– Ты моя, – прошептал он, когда тишина наконец вернулась. – Теперь и навсегда.

– Твоя, – согласилась я, прижимаясь к нему.

Мы лежали в темноте, тесно прижавшись друг к другу, и я слушала, как бьется его сердце. Ровно, сильно, успокаивающе.

– Рома, – позвала я.

– Мм?

– Что теперь будет с Кириллом?

Он замолчал. Я чувствовала, как напряглись его мышцы.

– Я разберусь, – сказал он наконец. – Он не тронет тебя.

– А если тронет?

– Тогда я убью его, – ответил он спокойно. – И сяду в тюрьму. Но ты будешь свободна.

– Не говори так, – я прижалась к нему крепче. – Я не хочу,

чтобы ты садился в тюрьму.

– Тогда не давай ему повода, – он поцеловал меня в макушку. – Будь рядом. И все будет хорошо.

Я закрыла глаза и позволила себе поверить.

Утром, когда я проснулась, Рома уже не спал. Он сидел на краю кровати, смотрел в окно и курил.

– Ты чего не спишь? – спросила я, садясь.

– Думаю, – ответил он, не оборачиваясь.

– О чем?

– О том, как нам быть дальше, – он повернулся ко мне. – Ты должна уйти от Кирилла.

– Я уйду, – кивнула я. – Сегодня же.

– Он не отпустит тебя просто так, – Рома затушил сигарету. – Он мстительный. И богатый. У него есть связи.

– А у тебя есть я, – сказала я. – И это главное.

Он улыбнулся, но улыбка вышла грустной.

– Любовь не всегда побеждает, Настя.

– А здесь – победит, – твердо сказала я. – Я сделаю все, чтобы победила.

Я оделась, поцеловала его на прощание и вышла.

На улице меня ждал сюрприз.

У подъезда стоял Кирилл, прислонившись к своему «Мерседесу». Он улыбался, но в глазах его был лед.

– Доброе утро, Настя, – сказал он. – Хорошо провела ночь?

– Откуда ты знаешь, где я была? – спросила я, хотя ответ

уже знала.

– Я все знаю, – он подошел ближе. – Ты думала, я не замечу, что ты сбежала от репетитора? Что не пришла домой? Я звонил твоей маме. Она сказала, что ты ночевала у подруги.

– Ты не имеешь права следить за мной.

– Имею, – он схватил меня за руку. – Ты моя девушка. Ты согласилась. Ты дала слово.

– Я забираю слово обратно, – я попыталась вырваться, но он держал крепко. – Отпусти меня, Кирилл.

– Не отпущу, – он притянул меня к себе. – Ты будешь со мной. Хочешь ты этого или нет.

– Ты не можешь меня заставить.

– Могу, – он усмехнулся. – У меня есть кое-что, что заставит тебя передумать.

Он достал телефон и показал мне видео. На нем была я – полураздетая, с Ромой, в его постели.

– Откуда… – прошептала я.

– В его квартире есть камеры, – ответил Кирилл. – Я установил их, когда он уезжал. Думал, пригодится. И не ошибся.

– Ты чудовище.

– Возможно, – он убрал телефон. – Но это видео увидят все, если ты не будешь делать то, что я скажу. Твои родители, одноклассники, учителя. Все увидят, какая ты на самом деле.

Я смотрела на него и понимала, что попала в еще более страшную ловушку, чем прежде.

– Что ты хочешь? – спросила я.

– Чтобы ты была моей, – ответил он. – По-настоящему. Не для вида. Я хочу, чтобы ты меня полюбила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.